

ALMOST

ДЖЕЙМИ МАКГВАЙР

BEAUTIFUL

ПОЧТИ
ПРЕКРАСНЫ

Джейми Макгвайр

Почти прекрасны

Серия «Young Adult. Экранизация»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69539785
Почти прекрасны / Джейми Макгвайр ; [перевод с английского Ю.
Бабчинской].: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-190780-8*

Аннотация

Долгожданное продолжение легендарной истории Эбби и Трэвиса впервые на русском языке!

Бестселлер New York Times. Права на издание книги проданы в 26 стран.

Экранизация первой части трилогии «Мое прекрасное несчастье» с Диланом Спроусом и Вирджинией Гарднер.

Трэвис и Эбби женаты, теперь у них своя семья.

Молодожены возвращаются из Вегаса домой, строят планы на будущее, привыкают к новому статусу.

И оба хотят оставить проблемы из прошлого далеко позади.

Но когда в Икинс прибывает ФБР, все резко меняется.

Друзья превращаются во врагов, а семейная идиллия рушится.

Мэддоксы никому не позволят навредить своей семье.
Какова же цена борьбы за счастье?

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	24
Глава 3	28
Глава 4	43
Глава 5	61
Глава 6	75
Глава 7	87
Глава 8	98
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Джейми Макгвайр

Почти прекрасны

Посвящается Джессике Ландерс

Ты моя правая рука и правое полушарие, мой психолог и моя самая главная группа поддержки, моя преданная подруга. Меня бы не было без тебя – в прямом смысле.

Jamie McGuire

Almost Beautiful

Copyright © Jamie McGuire, 2022

This edition published by arrangement with Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Юлии Бабчинской*

© Бабчинская Ю., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Молодожены

Эбби

Наконец мы остались наедине.

Трэвис склонился над нашей постелью и багажом, молча откладывая в сторону грязную одежду.

Стремительная поездка в Лас-Вегас была даже не вихрем, а настоящим ураганом, и на горизонте не ожидалось прояснений. Мы сбежали, чтобы тайно пожениться, приготовившись объясняться с Шепли и Америкой, а также с Трентоном и Кэми, чтобы поведать новую легенду о нашем местонахождении. Теперь мы остались в нашей квартире одни, в самом эпицентре бури. Конечно, сейчас настало затишье, но мы знали, что ждало впереди, и от этого было не лучше.

Трэвис молчал весь путь, пока мы возвращались домой, сообщив своему отцу о нашей женитьбе.

Джим воспринял новость хорошо. Даже больше – он пришел в восторг, но понял, что нас что-то гнетет. Теперь во всех новостях говорили о пожаре, и Джим, скорее всего, просто не хотел спрашивать лишнего.

– Трэв, ты что-то притих. О чем задумался?

Он держал перед собой мое свадебное платье, которое в следующее мгновение аккуратно уложил на одеяло.

– Ни о чем.

– Ни о чем? – с сомнением переспросила я.

– Между свадьбой и возвращением прошло всего несколько часов. Это не так долго.

Я забралась на кровать, подползла к нему, сменяя вещи, и сомкнула руки у него на шее.

– Согласна. Мы будто побывали в другом измерении. Но если посмотреть на все с хорошей стороны, мы можем провести вдвоем столько ночей, сколько захотим.

Трэвис натянуто улыбнулся и снова посмотрел на мое платье. Атлас и фатин немного помялись, отчасти после поездки, отчасти и после нашей брачной ночи.

Мой муж был прав, прошло еще не так много времени – между волшебными, просто идеальными мгновениями, когда мы давали друг другу клятвы, и нашим полетом домой – но мы время зря не теряли.

И хотя Трэвис уже не раз целовал меня и обнимал, но благодаря его восторгу от свадьбы и возможности назвать меня женой все привычное вдруг обрело новые краски. Мы снова и снова скрепляли наш брак близостью, и Трэвис не переставал доказывать, что ему больше никто не нужен, а быть моим мужем – самое важное для него во всем белом свете.

Я поцеловала его в щеку, а потом вернулась на свою сторону кровати, наблюдая, как он раскладывает вещи для стирки. По правде говоря, одежды тут было не так уж и много, но он выворачивал каждую вещь и разглаживал, чего ни-

когда не делал раньше – об этом свидетельствовали четыре огромные кучи одежды на полу.

Трэвис будто хотел погрузиться в бытовые дела, чтобы не впускать в свои мысли терзавшие его вопросы и тревоги.

Я подняла левую руку, любуясь кольцом с бриллиантом точно так же, как Трэвис совсем недавно любовался моим свадебным платьем. Пошевелив пальцами, я с наслаждением увидела, как камень сверкнул на солнце, а потом заметила, как внимательно смотрит на меня Трэвис. Уголок его губ пополз вверх, и муж усмехнулся.

– Ты как, в порядке? – спросил он уже в третий раз после нашего возвращения домой.

– Я все еще миссис Мэддокс, – сказала я. – Так что... да. Но жаль, что у нас нет побольше времени перед началом учебы.

– Мы можем прогулять несколько дней, – усмехнулся он.

Поначалу я решила, что он пошутил, но когда наши взгляды встретились, он отложил в сторону вещи и обошел кровать, сядя рядом со мной. Он внимательно посмотрел на меня своими теплыми карими глазами, его подбородок покрывала легкая щетина. Трэвис был столь же притягательным, что и в день нашей встречи, татуировки украшали его гладкие рельефные мускулы.

В татуировке на его руке смешались стили «артистик» и «трайбл», но больше всего он ценил надпись с моим прозвищем, выполненную изящным курсивом на запястье, а еще

фразу на иврите, протянувшуюся под ребрами. Там говорилось: «Я принадлежу своей любимой, а она мне», как, собственно, и было. Теперь официально.

В Вегасе даже я сделала себе тату: «Миссис Мэддокс». Для той, кто и подумать раньше не мог о татуировке, я теперь с восторгом пилилась на нее, как и на своего новоиспеченного мужа.

Муж. Уверена, от этого слова у меня всегда будут мурашки по коже.

Трэвис потерся носом о мою шею, покрывая поцелуями нежные участки кожи.

– У меня еще не было большего искушения, но в этом месте у нас статистика. Я не собираюсь пропускать занятия.

– Ты справишься, – сказал он. – Ты решаешь задачи так же отлично, как я размахиваю кулаками.

– Нет ничего прекраснее.

Он отстранился, чтобы уловить мое выражение лица, и я увидела в его глазах смешанные эмоции. Брови Трэвиса поползли вверх, а на лице отразилось полное обожание.

– Значит, моя жена.

– Вряд ли ты устанешь это повторять, да?

– И хорошо. Может, не буду чувствовать себя глупо от того, как сильно я счастлив.

Он чуть повернул мою голову и прижался к губам, потом подхватил под ягодицы, разжигая во мне желание.

– У нас есть на это время? – спросил он.

– Мы же молодожены, найдем, – сказала я, откидываясь на матрасе.

Трэвис стянул с себя футболку и бросил к куче других вещей, которые лежали на кровати. Он с легкостью снял с меня черные легинсы, вновь поцеловал и только потом скользнул ладонью под мои хлопковые трусики.

Я ахнула, с губ сорвался стон. Услышав это, Трэвис лишился всякого самообладания, наспех избавился от боксеров и без промедления погрузился в меня.

Устроившись поудобнее, он все же заставил себя остановиться. Его жаркое прерывистое дыхание горячило мне кожу.

– Мне нужно... медленнее... или я...

– Не останавливайся, – сказала я, обхватив его ногами. – Не в этот раз.

Он помедлил всего пару секунд, чтобы поцеловать меня, но стоило ему вновь пошевелиться, и он уже не мог останавливаться. Трэвис вновь и вновь входил в меня, руки его тряслись, он настолько отдался чувствам, что больше не сдерживал себя, позволяя каждой клеточке тела насладиться прикосновениями к моей коже.

– Голубка...

– Не останавливайся, – прошептала я.

Он казался каким-то другим и в то же время родным, теряя контроль над собой и достигая пика.

– Боже, с тобой так хорошо... так чертовски... – Он засто-

нал, испытывая оргазм, дрожа и все еще оставаясь внутри.

Мы оба тяжело дышали, но потом он сделал глубокий вдох и проговорил:

– Черт подери, прости меня.

– За что простить? – спросила я и, улыбнувшись, поцеловала мужа в щеку.

– Я немного увлекся.

– И это плохо? – спросила я, все еще оббивая его ногой.

Трэвис лег рядом и уставился в потолок.

– Я не занимался с тобой любовью, а просто спускал пар.

– И я совсем не злюсь.

Он бросил на меня взгляд:

– За что ты так сильно меня любишь? Я же полный придурок... но ты понимаешь меня. Читаешь мои мысли задолго до того, как я озвучу их.

– Не знаю, – сказала я, касаясь его щетины.

– Это не к добру, – сказал он, но шутил лишь отчасти.

– Я люблю тебя не за твою внешность, тогда это была бы страсть. Люблю тебя не за ту «химию», которая возникла между нами, – это похоть. Люблю тебя не за то, что ты любишь меня, – это снисходительность. Люблю тебя не за то, что ты можешь дать мне или сделать для меня, – это выгода. Люблю тебя не за то, как ты ко мне относишься, – это благодарность. Не за то, что защищаешь меня, – это стремление к безопасности. Не знаю, почему я тебя люблю, дорогой. Просто знаю, что это чувство настоящее.

Трэвис поджал губы и покачал головой, касаясь моего носа своим.

Я сощурила один глаз.

– Возможно, нам стоит...

Он перевернулся на спину и застонал:

– Знаю, знаю... Почему бы нам на выходных не устроить себе разгрузочный день?

– Я только за.

Трэвис поднялся, нащупал мою руку и потянул за собой. Мы одевались, не переставая глупо улыбаться, но потом я окинула взглядом нашу спальню и поставила руки в боки, сдувая с лица непослушную прядь.

– Здесь не так уж много всего, голубка. Вечером все уберем.

– Знаю, просто... ничего. Не бери в голову. – Я снова внимательно осмотрелась. – Но меня поражает, насколько изменилась твоя комната со дня нашего знакомства.

Трэвис внимательно посмотрел на покрашенные стены. Всего несколько месяцев назад на стене висело одинокое сомбреро, теперь повсюду красовались черно-белые фотографии в рамках. Запечатленные моменты наших отношений: друзья, враги, любовники. Неудивительно, что на каждой снимке мы улыбались или Трэвис старался прикоснуться ко мне.

Я соскучилась по нашей спальне, но когда мы были здесь в последний раз, я сделала Трэвису предложение, вглядыва-

ясь в его перепачканное сажей от недавнего пожара лицо. В воздухе все еще витал едкий запах дыма.

– Что за взгляд? – напряженно спросил Трэвис.

– Ничего, – ответила я.

– Не думаю. Я собираюсь сделать тебя счастливой, хочу, чтобы ты знала. Чтобы верила мне. Все останется по-прежнему, разве что каждую ночь мы будем возвращаться домой друг к другу. Но это не так плохо...

Я склонила голову набок.

– Плохо? Трэвис, да брось. Ты ведешь себя так, словно я могу в любую секунду передумать.

– А это не так?

Я нахмурилась, и его плечи поникли.

– Прости. Ничего не могу с собой поделать.

Я сделала несколько шагов к нему навстречу, останавливаясь совсем близко.

– Посмотри на меня, – сказала я, показывая двумя пальцами на свои глаза. – Трэв, я не передумую. Я безумно счастлива! Обещаю.

Он чуть расслабился.

– Я пытаюсь выкинуть эту мысль из головы, но она не уходит.

– Мы прошли огонь и воду. Я не виню тебя за эти чувства. Муж кивнул и хитро улыбнулся.

– Хорошо. Я больше не буду об этом говорить.

– Еще как будешь. Иначе я не смогу утешать тебя. А я

готова делать это миллион раз, если понадобится.

– Боже, голубка, я люблю тебя.

Я поднялась на носочки и чмокнула мужа в нос.

– И я тебя люблю. Нам лучше побыстрее разделаться с вещами, чтобы вечером отдохнуть.

Трэвис отнес в конец коридора пустую корзину. Открылась дверца сушилки, потом стиральной машины, и муж вернулся с теплым, свежим и сухим бельем, передавая мне его сложить.

Я дотянулась до полотенца, складывая его.

– Похоже, что Шеп и Мер в деле.

Трэвис кивнул и снова спрятался в свой панцирь так же быстро, как до этого позволил себе расслабиться.

– Твой отец счастлив, и что бы там ни говорила Америка, она тоже. Шепли снял комнату в Хелмс Холл. Все будто к этому и шло.

– Было тяжело... – проговорил Трэвис.

– Что именно?

– Просить Шепу и Мер врать – не говорить отцу правды.

– Их там не было. И они не врут, а просто... забыли тот телефонный разговор до нашего отъезда. Все были на эмоциях. Они просто ничего не помнят.

– Не хочу, чтобы кто-то из-за меня попал в беду. Уж тем более ты.

– Никто не попадет в беду. Все решено.

Трэвис встретился со мной взглядом:

– Решено, значит?

– Сам знаешь, о чем я.

Я взяла в охапку гору белья и повернулась к двери. Интересно, Трэвис тоже испытывал одновременно удовольствие и смятение от нашего брака?

– Куда направляешься? – напряженно спросил Трэвис.

Я чуть дернула плечом в сторону коридора.

– В прачечную.

Он состроил рожицу, и я засмеялась:

– Я всего лишь пройду по коридору, дорогой.

Он кивнул, но я видела его тревогу: он боялся, что наш брак испарится, будто и не было его вовсе. Что стоит мне исчезнуть из его поля зрения, и он проснется в кровати один.

Я перешла в гостиную и остановилась перед складной дверью, за которой стояла стиральная машина с сушкой. Прибор был громким, ржавым, старше меня, но тем не менее работал исправно. Я заложила половину принесенного белья, зная, что крохотный барабан большего не выдержит. Как только я налила средства для стирки, повернула ручку и закрыла люк, в дверь постучали.

– Здравствуйте, – сказала я, стараясь изобразить удивление.

Офицеры полиции были одеты в штатское – а значит, пожаловали детективы, и они совсем не удивились при виде меня.

– Мисс Эбернати? – спросил тот, что слева – кругленький,

с животом, нависавшим над бляхой ремня, в поношенном твидовом блейзере, который был ему явно мал. Значок, пристегнутый к карману пиджака, гласил «Гейбл».

Его напарник, Уильямс, был одет в деловой костюм с фиолетовой рубашкой и галстуком в тон. Он скрестил руки на груди. Его ровная темная кожа контрастировала с румяным веснушчатым лицом Гейбла.

– Была ею. Теперь я миссис Мэддокс, – сказала я, хотя Гейбл не спрашивал, а утверждал.

– Да? А мы ищем Трэвиса Мэддокса. Он ваш... муж?

– Да, он здесь, в ванной, – сказала я, надеясь, что из-за шума стиральной машины Трэвис не услышит нас.

Намного проще прикрыть его, если он останется в спальне. Мне следовало подготовить его. Он не был таким отличным лжецом, как я, ведь ему не приходилось врать. Не помню, что бы за те семь месяцев, что мы знакомы, он врал.

– Могли бы мы зайти на минуточку? Нам нужно с ним поговорить, – сказал Уильямс.

– Это насчет пожара? – спросила я.

Детективы обменялись взглядами, чувствуя, что они на шаг впереди.

– Да, – ответил Гейбл. – Что вы можете об этом рассказать?

– Я видела по новостям. Как только мы распакуем вещи, то навестим дом его братства. Он потерял в том пожаре друзей и очень переживает, – сказала я, зная, что в этом плане

никого не обманываю.

– Вы сказали, что вы его жена, – проговорил Гейбл. – Вы молодожены?

– Мы поженились на выходных. В Вегасе. Вернулись домой раньше из-за пожара.

Гейбл сощурился.

– У нас есть несколько свидетелей, которые утверждают, что Трэвис мог находиться в здании во время пожара. Они заявили, что он являлся постоянным участником в... э... – Он посмотрел в блокнот. – Мигрирующем борцовском ринге. – Детектив выговаривал каждое слово так, будто оно было иностранным.

– Полагаю... врать вам незаконно, – сказала я, прислонившись к двери. Мужчины подались вперед, желая услышать мое признание. – Мы были на нескольких таких боях. В Икинсе особо нечем заняться.

Я фыркнула со смеху, а потом притворилась, что мне неловко из-за того, что они не восприняли мою шутку.

Гейбл выглянул из-за меня, заметив за моей спиной движение.

– Мистер Мэддокс?

Я повернулась и увидела Трэвиса, замершего в дверном проеме.

– Привет, дорогой, – сказала я, – этим офицерам сказали, что на выходных ты был на боях. Они задают вопросы.

– Можем мы зайти внутрь? – спросил Уильямс.

– Конечно, – ответил Трэвис, переступив через гору одежды, которую я оставила на полу.

Он вытер ладони о брюки и крепко пожал руку сперва Уильямсу, потом Гейблу, которые представились детективами.

– Трэвис Мэддокс.

– Рад с вами познакомиться, сэр, – сказал Гейбл, поморщившись от слишком крепкого рукопожатия Трэвиса.

Гейбл зашел внутрь, минуя меня, очевидно опасаясь моего мужа.

– Вы уже познакомились с моей женой, – сказал Трэвис, когда я закрыла дверь за детективами.

Мужчины кивнули.

– Вы добирались до Вегаса на машине или на самолете?

– На самолете, – одновременно сказали мы, потом улыбнулись друг другу. Трэвис взял меня за руку и усадил на диван.

Уильямс устроился в кресле, а Гейбл занял почти всю кушетку.

– Правда говорят, что он был там? – спросила я.

– На самом деле, что вы оба были, – сказал Гейбл, сделав пометку в блокноте. – У вас остались посадочные талоны?

– Да, – сказала я и встала.

Прошла в спальню, где выудила из сумочки талоны и чек из отеля. Я намеренно оставила все на тот случай, когда придут детективы и станут задавать вопросы Трэвису о его местонахождении. На обратном пути я прихватила свадебное

платье. Мне не хотелось оставлять Трэвиса наедине с детективами.

– Быстро вы, – с подозрением сказал Уильямс.

– Мы вернулись всего пару часов назад, – уточнила я. – Все лежало у меня в сумочке. Вот, – сказала я, передавая детективу талоны и чек отеля.

– Это ваше... э... – Гейбл указал на платье, перекинутое через мою руку.

– Да, – ответила я, поднимая его и улыбаясь от чувства гордости. – Ох! – воскликнула я, заставив Трэвиса вздрогнуть. Я вновь заторопилась по коридору, бросая платье на кровать и возвращаясь в гостиную с DVD-дисками.

– Хотите посмотреть церемонию?

Прежде чем кто-то из них успел ответить, я вставила диск в проигрыватель и взяла пульт. Потом уютно устроилась рядом с Трэвисом, глядя, как нервно он переминается перед священником. Я поцеловала Трэвиса в щеку, он повернулся ко мне и крепко поцеловал.

– Хорошо, – сказал Уильямс, поднимаясь. Его телефон зазвонил, и он прижал трубку к уху. – Уильямс. Что? Когда? Это чушь собачья, сам знаешь.

Трэвис бросил на меня взгляд, но я сжала его руку, не переставая улыбаться. Повернулась к экрану телевизора – так было легче притвориться, что я не прислушиваюсь к каждому слову Уильямса.

Гейбл беззвучно спросил напарника: «Что такое?»

Уильям покачал головой.

– Да, сэр. Мы сейчас здесь. Понимаю, сэр. Да, сэр. – Он вздохнул и убрал телефон, раздраженно глянув на Трэвиса. – Это дело отдали Федеральному бюро расследований. Уверен, у них будет куда больше вопросов к вам.

– ФБР? – спросил Трэвис.

Уильямс хмуро посмотрел на своего ошарашенного напарника.

– Похоже на то. Хорошего дня, мистер Мэддокс. Примите наши поздравления и удачи.

Трэвис поднялся, потянув меня за собой. Мы проводили детективов взглядом, после чего муж принялся расхаживать по комнате.

– Трэвис, – сказала я, желая остановить его, но он не позволил мне. – Трэвис, стой. Все будет хорошо. Обещаю.

Он сел на диван, поставив локти на колени и накрыв лицо рукой. Муж дергал коленями и тяжело дышал.

Я готовилась к эмоциональному всплеску. Села рядом с ним, прикасаясь к крепкому плечу.

– Мы были в Вегасе, где и поженились. Вот что произошло, и это мы продолжим говорить. Ты ничего плохого не сделал, Трэвис. Произошло ужасное, но я не позволю тебе упасть духом.

– Эбби, – сказал Трэвис, не убирая рук от лица. Он зажмурился и тяжело вздохнул. – Ты знала, что так будет?

Я поцеловала его в плечо.

– Что ты имеешь в виду?

– Что мне понадобится алиби.

В груди громко заколотилось сердце.

– О чем ты говоришь?

Он повернулся ко мне, еле скрывая страх в глазах и сожалея, что задает мне этот вопрос.

– Скажи мне правду.

Я пожала плечами.

– Хорошо...

– Ты вышла за меня, чтобы уберечь от тюрьмы?

Я сглотнула ком в горле. Впервые в жизни я боялась, что мое фирменное беспристрастное лицо не спасет меня. Стоило мне признаться, что я намеренно создала для него алиби, то он ни за что не поверит в мою любовь и искреннее желание стать его супругой. Не поверит, что любовь – это единственная причина, по которой я согласилась стать его женой на первом курсе колледжа – в свои девятнадцать лет. Я не хотела говорить Трэвису правду, но не могла начинать наш брак с такой огромной лжи.

Я распахнула рот, не зная, что именно скажу, но слова полились сами.

Глава 2

Свет

Трэвис

Я помню, как незадолго до смерти мамы висел у нее на ноге, пока она мыла посуду. Мягкий белый свет лился через кухонное окно внутрь комнаты, создавая сияние, окутывающее ее профиль и одежду. В лучах кружились пылинки, совершая медленный путь вниз.

Мама никуда не торопилась, чтобы тарелки и кастрюли не звенели друг об друга, и мурлыкала под нос песню, которая навсегда отложилась в моей памяти. В доме было тихо, раздавался только плеск воды, в которой она мыла посуду, и ее мелодичная песенка.

Я всю жизнь пытался отыскать этот мотив, который она напевала, расхаживая по дому, но, должно быть, она его придумала сама, потому что ничего подобного я так больше и не услышал. Теперь эта мелодия существовала лишь в моей памяти. Наиболее ярко она звучала в тот день, который, как я понял позже, стал началом нашего медленного прощания с ней.

Все старшие братья находились в школе, а Трент только пошел в сад. Время наедине с мамой стало для меня лучшим за день.

Я любил братьев, но ее внимание для одного меня было особенным, роскошь, которую каждый из нас испытывал лишь на короткое время. Вряд ли тогда я мог почувствовать, что именно скоро случится, но я понимал, что рядом с ней время пролетает стремительно.

Мама удивлялась, что я липну к ней куда больше, чем другие мальчики, но она была не против. Возможно, она проявляла бесконечное терпение, потому что я был малышом, или она понимала, что я ее последний ребенок. Мама знала о своей болезни и наслаждалась каждым мгновением своей жизни.

Любовь Эбби напомнила мне об этом: о спокойствии, мягкости, тишине, когда я мог прильнуть к маме на кухне, слушая мотив ее прекрасной песенки. Но меня преследовало необъяснимое и неотступное чувство – которое я не мог понять, – что в любой момент мое время с ней может закончиться.

Я знал, что Эбби меня любит. Она говорила мне это бесчисленное количество раз, а что важнее – доказывала поступками. Черт подери, даже когда она злилась на меня, то делала все ради моего блага. Только две женщины в моей жизни вызывали такие чувства.

Я не мог потерять Эбби. Если пришлось бы врать полиции, друзьям, семье, целому миру, значит, так тому и быть. Без нее я бы уже не был прежним. С ней я стал другим... лучше, чем был раньше.

Благодаря Эбби в моей жизни появилась новая цель, любить ее, делать счастливой – вот чего я с нетерпением ждал. Ничто и никто не приносил мне такой же радости.

Пока я ждал ответа на вопрос, почему она на самом деле вышла за меня замуж, я прокручивал в голове тысячи сценариев. Даже скажи Эбби, что хотела тем самым защитить меня от тюрьмы, это ничего не изменит. Я все равно желал быть ее мужем и надеялся, что, несмотря на новые правила игры, я все же смогу убедить ее, что она приняла верное решение.

Кто-то назовет меня эгоистичным мерзавцем, но она не поступила бы так, если бы не любила. Смущала вся эта спешка, общественное одобрение, но не любовь. Если Эбби развеет мои страхи и скажет, что да, она правда желала выйти за меня замуж через несколько часов после пожара, поверю ли я ей? Был ли я так уверен в своих подозрениях, что посчитаю это ложью? Если она соврет, значит ли это, что я не смогу доверять ей?

Очевидно, что в голове Эбби тоже закрутились шестеренки, она заерзала рядом со мной на диване, стараясь не показывать своих эмоций.

Когда в напряженные моменты ее лицо становилось таким безмятежным, значило это одно – она что-то скрывала. Мне не хотелось начинать нашу жизнь с секретов.

Я теперь был ее мужем, я изменился к лучшему ради нас обоих. Вся моя жизнь стала другой благодаря ей. Я хотел,

чтобы она доверилась мне и рассказала правду. Но в свете всего случившегося, будь я на ее месте, переживая, что она не позволит мне спасти ее... Клянусь, я бы соврал. Соврал и не моргнул бы. Вдруг я разозлился на себя, что задал ей такой вопрос. «Я правда хочу это знать?»

Не успел я что-либо сказать, как она заговорила.

Глава 3

Ложь во благо

Эбби

– Трэвис, – проговорила я, прикасаясь к его колену. – Я вышла за тебя, потому что люблю.

Он замешкался. Похоже, что он не хотел задавать этот вопрос, а я жалела, что он все же задал. Но он не смог сдержаться.

– Это единственная причина?

Как только эти слова слетели с его губ, он весь подобрался, будто приготовился к той боли, которую причинит мой ответ.

– Нет.

Из его легких будто вышибли воздух. Он только поверил, что наш уик-энд ему не приснился. Еще месяц назад он разнес бы комнату на части, не в силах отличить боль от ярости.

Я видела, как он переборол желание выплеснуть эмоции на ближайшем неодушевленном предмете, даже несмотря на ту огромную боль, что он испытывал. Видя эту борьбу в каждом движении, я влюблялась в Трэвиса еще сильнее.

Он уставился в пол и заговорил:

– Эбби, когда я говорю, что люблю тебя... до этого момента я не знал, что пожелаю чего-то больше, чем жениться на

тебе. – Его дыхание сорвалось, и он попытался унять дрожь в голосе. – Правда в том... что для меня нет ничего важнее твоего счастья. Не стоило так поступать, если ты на самом деле того не хотела.

– Я счастлива! Сегодня я счастливее, чем когда-либо. Завтра я буду еще более счастливой. Трэвис, но твое счастье для меня не менее важно, и... – Я замешкалась.

Как бы я ни пыталась объяснить, Трэвис меня не поймет. Сбежать с ним в Вегас, чтобы спасти от тюрьмы, значило для меня больше, чем просто повиноваться капризу выйти замуж в девятнадцать. Возможно, мое спонтанное предложение руки и сердца вышло не таким романтичным, как планировал Трэвис, но нужно было действовать быстро. Это означало для меня, что мои чувства к Трэвису переселят все прочее, но я сомневалась, что он это поймет.

– Голубка, просто скажи. Мне нужно услышать. Я просто... должен узнать правду, – понуро проговорил он.

Я обхватила его лицо ладонями и коснулась губами уха.

– Когда я думала, что ты в том пожаре, то все поняла. Поняла, что никогда не полюблю кого-то так же, как тебя. Что хочу провести с тобой всю жизнь, и я боялась, что опоздала. Я твоя половинка, – прошептала я, сведя брови на переносице. – А ты моя. Свадьба... не знаю, все кажется настоящим. Нерушимым. Я действительно хочу быть твоей женой. Это все, о чем я мечтаю.

Он повернулся, касаясь моей щеки ладонью, и пристально

посмотрел на меня, будто бы искал в моих глазах намека на неискренность.

Скрывая тревоги глубоко внутри, я слегка улыбнулась. Я сказала ему чистую правду, которую охраняла, будто ложь.

Трэвису не обязательно знать, что я хотела спасти его. Лишь почему я это сделала.

Он кивнул, облегченно вздохнул, расслабляя мышцы.

– Хотела ли ты когда-нибудь чего-то недостижимого, так сильно, что когда это происходит, ты боишься поверить?

– Да, – прошептала я, целуя его в губы. – Теперь мы одно целое. Ничто не может этого изменить.

– Не знаю, – сказал он, покачав головой. – Срок в двадцать лет смог бы.

– Как ты смеешь думать, что не можешь повлиять на наше будущее? Ты вынудил меня влюбиться в себя, и я сама сделала тебе предложение в свои девятнадцать лет.

Трэвис коротко усмехнулся. Я изогнула брови.

– Ты хотя бы задумывался над тем, что именно я предложила пожениться, а значит, и мне следует бояться потерять тебя?

Эта мысль его поразила, поставив в тупик.

– Куда же я уйду? – спросил он, притягивая меня к себе на колени. – Ты мой якорь. Ничто не заставит меня оторваться от тебя.

Уголки губ Трэвиса поползли вверх, но всего на секунду.

– За меня взялось ФБР, голубка. Что, если меня арестуют?

Что, если я надолго пропаду?

Я покачала головой:

– Этого не произойдет. Тебя там не было. Мы в это время были на свадьбе в Вегасе.

Я подняла руку и пошевелила пальцами, так что бриллиант поймал свет.

От выражения на лице Трэвиса хотелось расплакаться, и я обхватила его за шею, прижимая к себе и утыкаясь подбородком в плечо. Сейчас ни к чему было скрывать, что мне страшно.

– Я не позволю им забрать тебя у меня.

– Кто-то должен заплатить за то, что произошло.

Я обвела взглядом нашу квартиру, крохотные свечи, которые я купила в «Икинс Стрип Молл», пепельницу, которую Трэвис брал с собой, когда выходил покурить. Его любимую лопаточку рядом с моей любимой сервировочной ложкой в кухонном ящике, его стопки для водки рядом с моими кофейными кружками, его несвежие носки рядом с моим кружевным бельем «Виктория Сикрет».

Я подумала про студенческий городок Истерна, про то, как у меня закружилась голова, когда Трэвис каким-то образом нашел меня среди толпы студентов, а еще о том времени, когда столовая хором пела песню, потому что он хотел отвлечь от меня внимание.

Я переехала из Канзаса в Иллинойс, чтобы сбежать от прошлого, и столкнулась лицом к лицу с человеком, которо-

го мне больше всего стоило бы сторониться – но именно он полюбил меня так безгранично, как никто другой.

Трэвис Мэддокс вызывал на моем лице улыбку, заставлял ждать с нетерпением каждого нового дня. Не существовало Эбби без Трэвиса.

– Но не ты, – сказала я. – Ты не выбирал то здание. Не вешал туда фонари. Пожар был несчастным случаем, Трэв. Ужасным, страшным несчастным случаем, но если кто и виноват, то только не ты.

– Когда-нибудь мне придется во всем признаться, голубка. Как мне объяснить все отцу? Как сказать братьям, что я участвовал в том бою? Ребята из братства навсегда нас покинули. Черт подери! – сказал он, проводя рукой по коротким волосам. – Трентон чуть не погиб в пожаре.

– Трэвис, но с ним ведь все в порядке, – сказала я, покачивая головой. – Ты не можешь ему все рассказать. Никому из них. Если ты это сделаешь, а они не заявят в полицию, то тоже попадут в беду.

Он на несколько мгновений задумался, потом кивнул.

– Но... что, если они арестуют Адама?

Я опустила голову.

– Его уже арестовали.

– Что? Где ты это слышала?

– В новостях, пока мы были в Вегасе.

– И ты ничего мне не сказала? Голубка!

– Знаю, знаю! Но я не хотела ничего портить. Что мы мог-

ли с этим поделаться? Что бы изменилось, скажи я тебе?

– Если бы я знал, что отправлюсь в тюрьму...

– Ты не отправишься в тюрьму!

– Я бы не хотел утянуть тебя с собой!

Трэвис понял, что сказал, и нервно потер загривок. Я замолчала.

– Может, это ты передумал.

– Нет, – сказал он, покачав головой. – Нет, клянусь, что это не так.

– Ничего себе, – сказала я, и в животе заворочалось неприятное чувство. – Почему это раньше не приходило мне в голову?

Он нежно приподнял мою голову за подбородок.

– Потому что не приходило в мою.

Я посмотрела в его карие глаза, полные тревоги.

– Давай делать все постепенно. Первый шаг – наша свадьба. Важнее всего – мы, – сказала я, коснувшись его груди. – Сначала мы, наша семья, потом весь прочий мир. Адам кто угодно, но уж точно не стукач.

По правде говоря, я не знала, как мне справиться с этой неизвестной величиной под именем Адам. Даже самые стойкие люди могли поступить несвойственно им, когда были напуганы. Если хотя бы один человек с подпольных боев решит дать показания, то наше алиби ничего не будет значить.

Трэвис кивнул, потом поцеловал меня. Его губы задержались на моих, чуть заметно дрожа, прежде чем он отстранил-

ся и произнес:

– Проклятье, я так люблю тебя.

Дверная ручка задергалась, а потом внутрь ввалились Шепли и Америка, держа в руках пухлые коричневые пакеты и болтая о хумусе с халапеньо и кориандром. Они остановились за диваном, глядя на нас, в то время как мы замерли в объятиях друг друга.

– Шеп, что за черт! Стучаться надо! – сказал Трэв.

Шепли пожал плечами, пакеты вздрогнули в его руках.

– Я тоже тут живу!

– Жил раньше. Теперь я женат, а ты третий лишний. Поэтому нужно стучать, прежде чем войти, – сказал Трэвис.

Америка забрала у Шепли ключи и продемонстрировала их Трэвису.

– У третьего лишнего есть вообще-то ключ, – фыркнула она. – Кстати, Шеп попросил Брэзила одолжить нам фургон, чтобы перевезти остальные вещи Эбби. Не стоит благодарить.

Она повернулась к кухне и махнула Шепли. Америка все еще злилась из-за нашего тайного бракосочетания, не обращая внимания на то, что сбежать посреди ночи, ничего никому не сказав, было единственным возможным решением.

Друзья распахнули все шкафчики и стали разгружать пакеты, заполняя полупустые полки банками, пакетиками и коробками.

– Я помогу, – сказала я, слезая с колен Трэвиса.

Он снова привлек меня к себе, проводя носом по шее.

– Ах! – чуть ли не зарычала Америка. – Вы теперь жена-ты! А третьи лишние пусть раскладывают покупки на двести баксов!

– Ничего себе, отлично, Шеп! – сказал Трэвис, глянув в сторону кухни. Шепли подмигнул ему в ответ.

– Я покупаю, ты готовишь. Надеюсь, Трэв, это не изменилось? – сказал Шепли.

– Верно, – ответил Трэвис, загибая большой палец. – Кто хочет трижды в день есть в столовой?

– Тебе придется научить меня, малыш, – виновато сказала я.

– Готовить? – спросил Трэвис.

Я кивнула.

– Но если я научу тебя, то не смогу уже по-прежнему готовить для тебя.

– Вот именно, – сказала я, похлопав его по колену. – Я хочу помогать.

Он улыбнулся, на его щеке появилась ямочка.

– Тогда ответ «нет».

Я игриво ущипнула его за бок, хихикнув от его вскрика.

Америка прошла мимо нас, направляясь к диванчику, между подушек которого торчал пульт. Я хотела сказать, что там недавно сидел тот толстый детектив, как курица на насесте, но Америка уже достала пульт и направила на телевизор, включая экран. По местным новостям все еще показы-

вали пожар, репортер стоял перед зданием Китона, над окнами которого чернели пятна, а внизу экрана бежала желтая полоса.

Я потеряла шею и сглотнула ком в горле, вспоминая, как задыхалась от дыма и как страшно было видеть пламя, что подбиралось все ближе. Совершенно растерянная и напуганная, я знала, что смерть может настигнуть меня в любой момент, пока не услышала голос Трэвиса среди криков, что доносились из главного помещения.

Америка медленно села на кушетку, опустив пульт на колени.

– Эмили Хетингтон погибла в том подвале. Мы вместе ходили на водную аэробику, – сказала Америка, невесело усмехнувшись. – Она ненавидела воду. Она говорила, что сама мысль оказаться под водой и не иметь возможности вздохнуть, вызывала в ней приступ клаустрофобии. Она пошла на эти занятия, чтобы преодолеть свой страх. Умереть таким образом... это злая шутка судьбы.

– Мер, – предупредила я, заметив помрачневшее лицо Трэвиса.

– Я так рада, что вы выбрались, – сказала Америка, смахивая со щеки слезу. – Даже представить не могу, что бы мы делали, случись что-то с вами. – Она встала, бросив пульт Трэвису. – Да, придурок, и даже с тобой.

Трэвис одной рукой поймал черный прямоугольник и повернулся к кухонной зоне.

– Может, нам сходить в Сиг Тау?

– Я недавно там был, – сказал Шепли. – Все довольно тихо. Парни сидят по комнатам.

– Они говорили про сбор денег, – сказала Америка.

– Да, – кивнул Трэвис. – Нужно поучаствовать.

– Трэвис, – сказал Шепли. – Как ты теперь будешь платить аренду? Все деньги, которые были у Адама, конфискованы, и нам ничего не заплатят. Их хватило бы на лето, но теперь ничего не предвидится.

– Я найду работу, черт подери, – сказал Трэвис, откинувшись на спинку дивана.

Америка поморщилась.

– И чем ты будешь заниматься? За деньги ты только и умеешь, что махать кулаками.

Я хмуро посмотрела на подругу, но она лишь пожала плечами.

– Мы что-нибудь придумаем, – сказала я. – Возле класса на доске я видела объявление о поиске репетитора по математике. Нужно попробовать.

– Везет тебе, – проворчал Шепли. – Терпеть не могу математику.

Трэвис скорчил мину.

– Предки оплачивают твои счета. Не понимаю, чего ты скулишь.

– Не хотел бы я их об этом просить, – сказал Шепли.

– Мы не найдем другое занятие, что принесло бы столько

же денег, это я вам гарантирую.

Между бровей Трэвиса пролегли две морщинки. Он вздохнул и покачал головой.

– Как ты и сказал, – произнесла я, погладив его по спине, – у нас два источника дохода. Ничего страшного в том, что ты будешь зарабатывать меньше. Даже в половину того.

– Я буду скучать по этим деньгам, – сказал Трэвис, глядя в пустоту. – У меня на них было много планов для нас.

– Например, машина? – спросила я.

Он сдержал смешок:

– Об этом не беспокойся.

Я игриво толкнула его:

– О чем ты?

– Это я оплатил.

– Ты купил нам машину? – спросила я, сев на диване. У меня еще никогда не было своей машины.

Единственным транспортным средством Трэвиса был его «Харлей Найт Род». Хотя на нем он выглядел невероятно сексуальным, но практичным мотоцикл не назвать, особенно когда зимой на нем продувало до костей, да и в дождь не поедешь.

Мы все время полагались на Шепли – чтобы он подвез нас или одолжил свою машину, но мы поженились, и теперь все изменится. Мы перестали быть подростками из колледжа, которые зависели от других, рассчитывая, что их подвезут, мы стали супружеской парой со своими ожиданиями,

в основном нашими собственными, об ответственности и заботе о семье.

Брак – это намного больше, чем церемония и клятвы. Я не имела ничего против соседа по квартире, когда мы с Трэвисом встречались, но из-за свадьбы все изменилось. Не только транспорт или работа, но и... Осознание всего этого тяжелым грузом опустилось мне на плечи, и я вновь легла на диван.

Трэвис нахмурился, озадаченный моей реакцией.

– Что такое, детка?

Шепли усмехнулся:

– Теперь ты полный неудачник.

– У меня еще остались наличные. Знаешь ли, я копил. Есть и плюсы. Со своей машиной нам не обязательно терпеть здесь тебя, – проворчал Трэвис.

Шепли скривился, будто уловил мерзкий запах.

– Это чертовски грубо с твоей стороны.

Трэвис пересадил меня с колен, потом перелез через диван и повалил кузена на кафельный пол на кухне.

Шепли крикнул, задев коленом дверцу нижнего шкафчика, а потом вскрикнул, когда Трэвис ударил ему в пах.

– Прекрати свои грязные приемы, придурок! – закричал Шепли.

Америка отпрыгнула, уклоняясь от выпадов Трэвиса.

Я встала рядом с ней, взяв под руку.

– Ты уверена, что понимаешь, во что ввязалась? – спро-

сила подруга. – Теперь это сокровище принадлежит тебе.

– Ты следующая, – сказала я, потянув ее за руку.

– Нет уж! Если ты выскочила замуж на первом курсе, это еще не значит, что все кругом посходили с ума. – Она рас-
терянно посмотрела на меня: – Это просто очень... странно.
Объясни мне вот что, ты находишься на волоске от смерти и
решаешь сбежать в Вегас и выйти замуж?

– Мы не будем это обсуждать, хорошо? – сказала я.

Она пожала плечами.

– Мне просто... надо знать.

Я отошла от нее на несколько шагов и развернулась, скре-
стив руки на груди.

– Нет, Мер, не надо. Просто оставим эту тему.

Парни прекратили возню, Шепли поднялся на ноги, тяже-
ло дыша.

– Мерик, – предупредил он. – Ты обещала.

– Я просто... я до сих пор не понимаю, почему вы так по-
ступили. Мы все знаем, что ты его любишь, Эбби, но ничто
не предвещало свадьбы. Начинается пожар, а вы двое вдруг
решаете сбежать и пожениться...

В ее глазах сверкнуло понимание.

– Вы ведь нам что-то недоговариваете? Эбби? – Америка
с подозрением посмотрела на меня.

– Что за глупости, прекрати, – сказала я.

– Но я ведь права? – спросила она. – Ты сделала это ради
алиби. Тогда все сходится, я не виню тебя, но...

– Нет никакого «но»! – Я указала на Трэвиса, который выглядел совершенно опустошенным. – Я люблю его! Полюбила с того момента, как увидела. Мер, я его чуть не потеряла! – Мой голос надломился. – Я увидела его там, в том подвале, в другом конце комнаты, и он не мог добраться до меня. Не мог добраться! Он кричал Тренту, чтобы тот отвел меня в безопасное место, а это мог быть последний раз, когда я видела его живым, последние минуты на земле, и он думал обо мне. И если бы он не остался, не рискнул собственной жизнью под угрозой такой ужасной смерти, чтобы найти меня и разбить окно ради нашего спасения, меня бы здесь сейчас не было. Он спас мне жизнь! И если ты спрашиваешь меня, из-за пожара ли я поняла, что никогда больше никого так не люблю, как люблю его, и что он любит меня больше собственной жизни, и я не хочу жить без него, то ответ «да»!

Из глаз Америки хлынули слезы.

– Эбби...

– Не плачь, – сказала я, стараясь успокоиться. Я нечасто злилась на Америку, но из-за выражения лица Трэвиса решила вступить. – Прекрати рыдать, Мерик. Все хорошо. Мы больше не будем об этом говорить. Нас там не было, не забыла?

– Мы знаем, – сказал Шепли. Он привлек к себе свою девушку, стараясь выровнять дыхание. Его щеки покраснели после шутиливой драки со своим накачанным кузеном. – Мер, мы ведь все знаем, правда?

Нижняя губа Америки задрожала.

– Простите меня.

Повернувшись, я обняла ее, к нам присоединился и Шепли. Я потянулась за Трэвисом, и он обхватил руками всех нас.

Глава 4

Серебро Эбби

Гремели тарелки, кастрюли и столовые приборы, журчание воды из крана немного приглушало громкий звук. Из раковины поднимался пар, пока мы с Америкой убирали с тарелок остатки фирменной пасты Трэвиса – с приправой «каджун» и курицей – и складывали в посудомойку.

Шепли протирал плиту и столешницы. За ужином говорили мало: во-первых, потому что Трэвис был великолепным кулинаром, но еще мы не понимали, как говорить о правде, не перекладывая ответственность на присутствующих.

Шепли покончил с уборкой и погладил Америку по спине.

– Тебе помочь?

– Мы справляемся, – сказала Америка.

Когда Шепли ушел в гостиную к Трэвису, подруга помедлила, удерживая тарелку под струей воды.

– Мер?

Она всхлипнула.

– Я такая глупая, Эбби. Не знаю, о чем я только думала, – шепотом сказала она. – Мне стоит перед ним извиниться?

– Нет, – сказала я тихо. – Знаю, что ты обо мне беспокоишься. Понимаю. Но Трэвис... При нем не стоит говорить

всего этого. Он до сих пор переживает, что все это не правда и что я передумаю. Мерик, я удивлена не меньше тебя, но я так счастлива! Правда.

– Все, что мне нужно было услышать. Больше не стану задавать вопросы.

– Вот почему ты самая лучшая подруга на свете!

– И это верно, я такая. Тебе очень повезло.

Я широко улыбнулась.

Америка нажала на пару кнопок, и посудомоечная машина загудела и зажужжала. Подруга вытерла руки и встала у меня за спиной, кладя ладони мне на плечи и прижимая к себе. Она тихонько уткнулась подбородком мне в шею и поцеловала в щеку.

– Скоро расследование закончится. Все будет хорошо.

– Знаю, – ответила я, глядя на раковину.

Я выдавила на ладонь немного синей жидкости для мытья посуды, потеряв сморщившуюся кожу. Если я и могла предвидеть наши проблемы, мы оказались в настоящей переделке – мы обе, – ведь если Трэвиса поймают, то и нас тоже.

Я только что соврала полицейским детективам, нарушила закон, содействовала совершению преступления, не говоря уже о том, что стала по собственной воле соучастницей до, во время и после события. Но я могла взять на себя ответственность, если бы могла уберечь Трэвиса от тюрьмы. Я обернулась и посмотрела на мужа.

Он стоял, скрестив на груди мускулистые руки, покрытые

татуировками, и разговаривал со своим кузеном. Красную бейсбольную кепку он развернул назад, переминаясь с ноги на ногу, будто не мог устоять на месте.

Шепли действовал на Трэвиса успокаивающе, стараясь разговорами снять груз с его души.

Я улыбнулась, глядя на воду, что струилась по моим рукам, и смывала пену. Вот бы мои руки были действительно чистыми.

– Хорошо, Шеп, мы закончили, – сказала Америка.

Она подошла к Трэвису, крепко обняла его и дольше нужного стояла с ним в обнимку.

Трэвис посмотрел на меня, я улыбнулась. Он с озорством повесил руку ей на плечи и поцеловал в макушку.

– Значит, мир?

Она отстранилась и посмотрела на него снизу вверх:

– Мир?

Трэвис заговорил предельно серьезно:

– Мер, мы семья. Что бы ни случилось, в конце дня мы все равно будем мириться.

Она вновь обняла Трэвиса, потом и Шепли, оба помахали мне, прежде чем уйти к припаркованному снаружи «Чарджеру».

Трэвис зашел на кухню, прислонившись к столешнице и скрестив руки.

– Она переживает, да?

– Да. Иногда она говорит быстрее, чем думает. И даже не

осознает, как звучат ее слова.

– Я рад, что она высказалась.

– Правда?

– Ты почти про это не говоришь... ну, про пожар. Я бы и не узнал о твоих чувствах, не заговори она об этом.

Я вздохнула.

– Мне просто кажется, если я буду держать все внутри, то будет не так... страшно. – Я повернулась лицом к раковине. – Но ты прав. Мне нужно больше общаться. Я не вправе говорить, что мы в этой лодке вместе, если ты даже не знаешь, что я чувствовала во время пожара.

Он подошел ко мне со спины, обхватывая руками за талию.

– Нет, я, конечно, кое-что из этого знал. Но не все. Теперь ты кое-что подтвердила. Я правда люблю тебя больше собственной жизни. И всегда буду защищать.

– Дорогой, но это должно быть взаимно. Позволь мне иногда тоже защищать тебя.

Солнце уходило за горизонт, отбрасывая теплый свет на раму над раковиной. Из окна мне открывался вид на парковку, на квартиры ниже этажом и крыши зданий студенческого городка, которые выглядывали из-за деревьев в нескольких милях от нас.

Небо все еще было затянуто пеленой после кошмарного дыма, стоявшего над Китон Холлом несколько дней назад. Пожар был самым страшным событием в моей жизни, но я

выжила. Страх, ставший для меня всего лишь воспоминанием, омрачил последние секунды жизни многих наших однокурсников.

– Ты слышишь их? – спросила я. – Крики...

– Каждую ночь.

Я закрыла глаза и крепче прижалась к Трэвису.

– Дальше ведь станет легче?

– Не знаю, голубка. Надеюсь.

Я вытерла руки и повернулась, идя по коридору. Заложив новое белье в стирку и отнесла корзину в спальню, поставив на кровать. Надо было чем-то занять себя.

Трэвис прошел за мной, корзина подпрыгнула, когда он упал ничком на кровать. Он сделал несколько вдохов и перевернулся на спину, подложив руки под голову. Уставился в потолок, пока я обходила кровать, чтобы повесить свадебное платье на карниз.

За окном на ветру качнулись голые ветви дерева. Я каждый сезон следила за этим деревом из окна спальни Трэвиса, а теперь эта комната принадлежала нам двоим.

– Напомни мне отнести его в химчистку и сохранить на память, – сказала я, разглаживая юбку.

– Сохранить? Что это значит? – усмехнулся он.

– Уберечь от желтизны. Чтобы оно выглядело свежим.

– Для чего?

– Для вечности, – сказала я, возвращаясь к кровати. – У нас не может быть другого.

Трэвис глянул на меня, и я подошла к нему со счастливой улыбкой. А потом я возобновила утомительное, но необходимое занятие – сортировка одежды из Вегаса и полотенец, которые мы использовали, после того как отмылись от дыма и сажи после пожара. Жаль, что запах не мог так просто выветриться.

– Голубка, – вздохнул Трэвис, – я не боюсь оказаться в тюрьме. С момента нашей первой встречи я чувствовал, что... не знаю. В моих мыслях это кажется нормальным, но если произнести это вслух...

– Скажи уже.

– Я никогда не верил, что смогу удержать тебя, а сейчас... Что я буду делать, если больше не увижу тебя? Не прикоснусь к твоим волосам? Не увижу, как светятся твои глаза на солнце? Не почувствую твои влажные волосы на моей руке, пока я засыпаю ночью? Меня до смерти пугает сама мысль не видеться с тобой каждый день.

Я распрямила его носки и сложила их вместе. Они совсем как мы с Трэвисом, один большой связанный комок.

– Видишь эти носки? Они пара. Даже если один потеряется, другому придется ждать его возвращения, потому что они всегда будут предназначены друг другу. Даже по раздельности, мы это всегда мы. Расстояние не имеет значения. Это ничего не меняет. К тому же, ты ведь никуда не уходишь?

– Эбби, ничего не исправить, – сказал он. – Я не собира-

ую лгать. Если я был не прав, то заслуживаю...

– Прекрати, – сказала я, бросив в него носки. Он поймал их, прежде чем они достигли цели. – Я твоя жена. Твоя обязанность – быть здесь со мной, чтобы защищать и любить. Ты обещал. Мы все время преодолевали по одной преграде зараз. И сейчас не исключение.

Трэвис кивнул, посмотрев на потолок. После нескольких напряженных минут он вздрогнул и встал на ноги.

– Я не могу здесь больше сидеть. Это сводит меня с ума. Давай пройдемся.

– Куда? – спросил я.

– До «Пинкертона».

– Дилера автомобилей? Разве нам не следует копить деньги?

Трэвис усмехнулся:

– За машину уже заплачено. Просто выбери цвет.

Я изогнула бровь.

– Не шути со мной, Мэддокс.

Он переоделся в кофту с длинными рукавами и чистые джинсы, затем зашнуровал ботинки.

– Идем.

Я не сдвинулась с места, вцепившись в корзину с одеждой, тогда Трэвис подошел, подтолкнул меня бедром и вытащил одну из моих кофточек. Меньше чем через минуту мы закончили разбирать одежду. Я посмотрела на шкаф, скрестив руки на груди и скептически взглянув на себя в зеркало.

– Просто свитер и джинсы, детка. Ты прекрасна. Тебе даже не нужно прилагать усилия.

Мои щеки вспыхнули, и я опустила голову.

– Они же скоро закрываются, да?

– Что? Ты не хочешь машину? А ну бегом! Пошевеливайтесь, миссис Мэддокс!

Я хихикнула, схватила первые попавшиеся джинсы и свитер, быстро надела, потом вышла к Трэвису в гостиную.

Он держал в руке ключи Шепли, а когда увидел меня, то просиял. Трэвис открыл для меня дверь, жестом пригласив пойти первой.

– Ты делаешь это только для того, чтобы посмотреть на мою попку, – сказала я.

– Ты чертовски права, – сказал Трэвис, закрыв за собой дверь.

Мы прошли вниз по ступеням, держась за руки, и свежий воздух наполнил мои легкие.

– Кажется, дождь.

– Хорошо, что я вызвал такси, – сказал он, подходя к красному «Фольксвагену Жетта», который ждал на парковке.

Трэвис открыл дверцу пассажира и подождал, пока я не сяду, после чего перебежал на сторону водителя. Как только он устроился на сиденье, то положил руку мне на ногу и покачал головой.

– Что? – спросила я. – Что-то забыли?

– Каждые пять минут до меня доходит смысл всего проис-

ходящего, и я просто не могу поверить. — Он склонился надо мной, обхватывая лицо ладонями, и поцеловал в губы. Потом отстранился, когда водитель завел двигатель, и поморщился из-за зазвучавшей мелодии в стиле кантри.

— Можем мы послушать другую радиостанцию?

— Конечно! — сказал мужчина, водя пальцами по кнопкам. — Вам тепло?

— Мне да, — сказал Трэвис, — а моей жене немного прохладно.

— Легко исправить, — сказал водитель.

— Оставьте эту, — попросил Трэвис, когда по радио зазвучала песня «Midnight Runners» от Декси.

Он замотал головой в такт, и я засмеялась, когда он одними губами выговорил слова «*C'mon Eileen*».

Трэвис казался расслабленным и счастливым. Он так и не убрал руку с моего колена, и все еще пел и дергал головой в такт музыке. Он знал каждое слово, что впечатляло. Время от времени он поглядывал на меня и выговаривал слова с таким задором, что мне приходилось подпевать.

Здорово, что он предложил выйти из квартиры и прогуляться. Я и не понимала, какой загнанной чувствовала себя и как нуждалась в смехе.

Водитель припарковал автомобиль, и Трэвис вышел на улицу.

Когда я закрыла пассажирскую дверь, он обогнал меня и взял за руку, сцепляя наши пальцы в замок. Притянул меня

ближе, остановившись неподалеку от выстроившихся в ряд «Тойот Камри».

На улицу вышел пожилой джентльмен, приглаживая галстук и серебристые волосы. Готовясь рекламировать товар, он прокашлялся и адресовал нам свою самую обаятельную улыбку.

Но улыбка Трэвиса была гораздо красивее.

К моему удивлению, торговец назвал моего мужа по имени. Трэвис отпустил меня и пожал ему руку.

– Я уже стал гадать, когда вы приедете. Это и есть Эбби? – Он пожал мою руку. – Ричард. Рад с вами наконец познакомиться.

Когда я удивленно посмотрела на Трэвиса, он лишь пожал плечами.

– Я же говорил тебе. Просто выбери цвет.

– Ты, значит, серьезно? – усмехнулась я.

Он развел руками.

– Я когда-то врал тебе?

Я неторопливо обхватила его за шею, и его мышцы расслабились от моего прикосновения. Тогда я приподнялась на носочки и чмокнула в щеку, заметив, как старательно не смотрит в нашу сторону Ричард.

– Никогда.

Я посмотрела на аккуратную линию автомобилей.

– «Стильный черный», – заговорил Ричард, – «Красная Барселона», «Классический серебристый», «Лазурно-голу-

бой», «Космический серый» и «Песочный металлик». Сейчас у нас на складе нет «Жемчужного» или «Магнитного серого».

– Но он сможет заказать, – добавил Трэвис.

– Конечно же, – отозвался Ричард.

Трэвис провел меня по ряду.

– Открой и загляни внутрь. Везде свой интерьер.

Я прошла к серебристой машине, открыв дверцу водителя.

– А это что? Телевизор?

Ричард подошел ближе.

– Это... э... навигатор и магнитола.

Он все перечислял различные функции, пока Трэвис подбадривал меня сесть внутрь.

Внутренний салон был светло-серого цвета, а кнопки на огромном экране и на руле напоминали пульт управления в НАСА. Как я могу столько всего запомнить!

– Не верю, что ты сделал это ради меня, – сказала я, проводя пальцами по рулю. – У меня еще не было своей машины.

Трэвис сел рядом со мной, положив руку на консоль двери.

– Голубка, я сделаю для тебя все, что угодно. Я дам тебе все, о чем ты только мечтала.

Я коснулась его щеки.

– Уже.

Трэвис прильнул к моей ладони и поцеловал ее, вдруг оживившись.

– Что думаешь?

– Вот эту.

– Серебристую? – спросил он.

– Серебристую, – ответила я. – Она подходит к кольцу.

Трэвис склонил голову набок, не отрывая от меня взгляда.

– Ричард, ты слышал, что сказала моя жена. Она хочет эту машину.

– Заметано, – сказал Ричард. – Я ее подготовлю.

Я прижалась к Трэвису, заставив его откинуться на сиденье.

Он засмеялся, потом бережно помог мне выйти из машины и поцеловал в губы. Вдалеке прогремел гром, и хлынул дождь.

– Голубка, ты счастлива? – спросил Трэвис.

– Я самая счастливая на свете, – прошептала я у его губ, растянутых в улыбке.

Трэвис уже договорился о цене и заплатил за машину до нашего приезда, так что мне не пришлось слушать обсуждения и нудные предложения о расширенной страховке и миллионе документов, которые нужно подписать.

Машину записали на нас двоих, и она стала первым совместным имуществом, кроме Тотошки. Я вдруг странным образом прониклась к ней.

Трэвис держал меня за руку, пока вел «Камри» до квар-

тиры, а я с чувством нереальности происходящего следила, как он паркует нашу машину рядом с «Чарджером» Шепли.

– Похоже, они вернулись. Она тебе писала?

– Мер? Нет. Наверное, они что-то забыли.

Я уставилась на машину, потом перевела взгляд на Трэвиса, не в силах сдержать нелепую улыбку на лице.

– Должно быть, так и есть. Даже дождь прекратился, чтобы Америка не смогла промокнуть.

– Все не настолько плохо, – улыбнулась я.

Трэвис засмеялся, кивнул, и мы одновременно сказали: «Именно так!» Мы уже не могли сдерживаться и рассмеялись до слез.

Я внимательно разглядывала Трэвиса, пока он не вывел меня из задумчивости.

– Что такое? – спросил Трэвис, губами коснувшись моей ладони.

– Не знаю. Глупо, конечно, – сказала я, отмахнувшись от него.

– Ну скажи.

– У нас совместная машина – все будто по-настоящему, понимаешь?

Он улыбнулся, поглаживая мои плечи.

– Я думал о том же.

– Правда? – спросила я, подавшись вперед.

Я закрыла глаза, ожидая поцелуя, но так и не ощутила прикосновения губ Трэвиса. Он смотрел в сторону кварти-

ры, я повернулась и увидела то, что так огорчило его.

– Это, должно быть, какая-то шутка, – сказал Трэвис.

Я закрыла пассажирскую дверцу и обхватила себя руками.

На нашем крыльце стояли Джесс, Америка и Шепли. Джесс подошел ко мне, Америка следовала за ним.

– Я пыталась сказать ему, чтобы он ушел, – сказала Америка.

– Привет, Эбби, – не обращая на нее внимания, проговорил Джесс. Его глаза сверкали, а присутствие Трэвиса рядом со мной его несколько не смутило.

– Джесс, что ты здесь делаешь? – спросила я.

Он посмотрел на мою левую руку, схватил ее и поднял, будто свидетельство чему-то.

– Должен был убедиться лично.

Я вырвала руку из его хватки.

От Трэвиса исходила волна ярости. Когда он шагнул вперед, Шеп положил руку ему на грудь.

Я встала перед мужем.

– Да, я замужем. Ты проделал этот путь, чтобы посмотреть на кольцо? Нельзя было просто позвонить?

Джесс пожал плечами.

– У меня нет твоего номера. Как и у Мика.

– Есть соцсети, – равнодушно проговорила Америка.

– Мик тоже знает? – спросила я.

– Что вы поженились? – усмехнулся Джесс. – Да. Как и твоя мама.

Я сглотнула ком в горле.

– Откуда?

Он снова усмехнулся:

– Разве что-то может произойти в Вегасе без осведомленности Бенни Карлизи?

Я осмотрелась. Такое скопление людей на улице привлекает ненужное внимание.

– Джесс, так зачем ты приехал?

– Бенни знает и про пожар. Меня отправили передать тебе, что он с радостью поможет.

– С чем поможет? – спросила Америка.

Я сощурилась.

– Так ты теперь бегаешь по поручениям для Бенни? Ты в своем уме, Джесс?

Парень продемонстрировал мне свою фирменную обворожительную улыбку, из-за которой я много лет назад влюбилась в него. Будто бы в другой жизни.

Когда мы были детьми, Джесс хотел стать баптистским священником. А в итоге стал распорядителем казино в Вегасе и, очевидно, по уши увяз в делах мафии. Бенни не отправлял со своими посланиями первого встречного.

Снова посыпал дождь, капли коснулись моих губ, а затем покрыли волосы и футболку. Америка взволнованно осмотрелась и побежала к лестнице, топая тяжелыми сандалиями, чтобы спрятаться от дождя.

Шепли остался позади, возможно, чтобы Трэвис не убил

Джесса прямо здесь и сейчас.

– При всем уважении мы вынуждены отклонить предложение, – сказала я.

– Предложение не для тебя, – сказал Джесс и посмотрел на Трэвиса. – Еще одно одолжение тебе, Мэддокс. Он может сделать тебя богатым, все твои проблемы исчезнут...

– И кто ты сейчас? – с отвращением спросила я.

– Ты больше не дерешься, – сказал Джесс, не обращая внимания на мои слова. – Ты женатый мужчина. Тебе нужно оплачивать счета. Бенни может помочь со всеми твоими заботами, Мэддокс. Тебе лишь нужно делать то, что ты умеешь лучше всего.

– Я больше этим не занимаюсь, – сказал Трэвис. В его голосе сквозила ярость.

– Что ж, – сказал Джесс, передавая ему карточку. – Дай знать, если передумаешь, но лучше принимать решение быстро. Наши источники в ФБР говорят, что у тебя не так уж много времени. – Он посмотрел на меня, его решимость поугасла, приобретая нотки грусти. – И у тебя тоже.

– У нее? – спросил Трэвис. – Почему у нее?

Джесс переключил внимание на Трэвиса, в его глазах больше не осталось жалости.

– Решай поскорее. Бенни не станет ввязываться в это, когда вам предъявят обвинения. – Джесс отступил на несколько шагов назад и посмотрел на Америку. – И будьте начеку. У вас тут повсюду жучки.

– С каких это пор? – спросила я.

– Мне позвонили, когда я ехал сюда. Вы были в автомобильном салоне.

– Они приезжали? – спросила я, указав на квартиру. – Пока нас не было полтора часа, внутри установили приборы слежения?

– Так обычно и поступают эти ребята в костюмах. У них не задержится.

– Мы сами справимся, – сказала я, глядя на Трэвиса. – И у нас есть план, где заработать денег. Нам не нужна помощь Бенни. – Я развернулась к Джессу: – Не нужна.

– Он поступает так не по чистоте душевной, Эбби. У вас есть то, что ему нужно. У вас обоих. Но он готов помочь даже ради того, что предложит Трэвис. Эбби, – сказал Джесс, подойдя ко мне.

Трэвис сделал шаг вперед, прижимаясь грудью к моей спине.

– Только тронь ее... – пригрозил муж.

Джесс поднял руки.

– Я тоже забочусь о ней, Трэвис, и даже дольше, чем ты. Мы тратим время впустую. Вы оба в беде. Эбби... – Он снова посмотрел на меня. – Что бы ты ни думала сейчас о Бенни или отце, я бы на твоём месте согласился. Возможно, это твой единственный шанс.

Джесс развернулся и пошел прочь, останавливаясь возле блестящего черного «МакЛарена».

– Черт побери, это же тачка за триста тысяч долларов, – сказал Шепли, не в силах сдержать эмоции. Когда Джесс завел машину и отъехал, Шепли будто бы очнулся. – Стой, так у тебя проблемы с федералами? Из-за пожара? Трэв, ты теперь попадешь в тюрьму?

Трэвис провел рукой по влажным волосам, а потом посмотрел на меня.

– Нет, – сказала я. – Мы найдем другой способ.

Трэвис кивнул и переключил внимание на кузена:

– Больше ни слова, Шеп. Не будем это обсуждать.

– С тобой все будет хорошо?

– Шеп, послушай меня. Я тоже боюсь, но тебе нужно держаться от этого подальше. Ты ничего не знаешь. Больше ни о чем меня не спрашивай. Тебе не захочется с этим связываться.

– Трэв, ты моя семья. Я не могу стоять в стороне!

– Черт побери, Шеп! Ты мне не поможешь! – прокричал он, стараясь отдышаться, прежде чем снова заговорить. – Сделай для Америки то, что я не сделал для Эбби. Держи ее в безопасности.

Я схватила его за руку, злясь, что он в принципе испытывал подобные чувства.

После затянувшейся паузы Шепли кивнул, его лицо омрачилось тревогой.

Глава 5

Что осталось от правды

Трэвис

Ладонь Эбби казалась такой маленькой в моей руке, пока мы шли по промокшему тротуару, минуя желтую ленту, что огораживала Китон Холл.

Большим пальцем я то и дело теребил ее обручальное кольцо: сомнения никак не хотели утихать в моей голове. Прикосновение к кольцу странным образом успокаивало мои страхи.

Кирпичное здание и размешанная в грязь земля вокруг него стали местом преступления. В дело вмешалось ФБР, расследуя гибель ста тридцати двух студентов, большинство из которых не были достаточно взрослыми, чтобы купить себе пиво.

Я несколько дней пытался понять, стоит ли рассказать все отцу, как он воспримет новости о том, что его младший сын причастен к самому трагическому событию за историю университета Истерн, и что он на это скажет.

Я представлял, как увижу разочарование в его глазах, тревогу, которая будет терзать его, даже после того, как федералы заберут меня в тюрьму.

Отец обещал маме на ее смертном одре, что он уйдет

из полиции и не позволит никому работать в правоохранительных органах. Поздние смены и срочные вызовы, которые длились годами, сказывались на ней и на их браке, и она не хотела того же для сыновей.

Когда я объявил, что выбрал курс по уголовному праву, то ожидал, что он придет в бешенство, но он лишь мягко напомнил о своем обещании маме, надеясь, что я найду какое-то занятие, которое поможет ему сдержать слово.

Нет, я не вынесу его укоризненного взгляда, если он узнает о чем-то столь же постыдном, как и о нарушенном предсмертном обещании.

Оконные проемы здания, где Адам устроил мой последний бой, почернели от дыма. В ушах все еще стояли ужасающие крики с недавней ночи, и мне вспомнился страх, который охватил меня, когда я в отчаянии искал Эбби среди темных лабиринтов подвальных помещений. И вместе с тем меня захлестнула паника, когда я понял, что Трентона нет среди спасшихся.

Таким я всегда представлял себе ад: визги, осязаемый страх и невозможность сбежать. Даже от одной мысли по позвоночнику пробежал холод.

Но это и рядом не стояло с той скорбью, что испытывали многие родители с того самого момента, как о пожаре сообщили по новостям. Хотя Эбби все время повторяла, что в произошедшем нет моей вины, я все равно чувствовал ответственность.

Я остановился перед импровизированным мемориалом в память о погибших: здесь сложили груды записок, лент, цветов, фотографий и мягких игрушек.

Эбби потянула меня за руку, молча ведя за собой. Она знала, что я изводил себя этим, но не догадывалась, что я был на грани прийти в полицию с повинной. Единственное, что останавливало меня, это мысль хотя бы на день расстаться с женой.

– Трэв? – сказала Эбби.

– Да, детка?

– Больше мы об этом не будем говорить в нашей квартире.

– Знаю.

– И не только в квартире. Наши телефоны, машина. Мы можем обсуждать что-то связанное с пожаром только вне квартиры, на улице, и уж точно не по телефону. И не в сообщениях.

– Голубка, так только в голливудском кино бывает.

– А чем вдохновлялись в Голливуде? Поверь мне на слово.

– Хорошо, но...

– Привет, ребятки, – раздался из-за наших спин голос Финча, и парень положил руку нам на плечи. – Как вы?

Эбби повернулась и обняла его. Он крепко обнял ее, подмигивая мне с улыбкой.

Знал ли он кого-то, связанного с этим мемориалом, и знал ли о моей причастности. В любом случае он не был зол.

– Так здорово встретить тебя, – сказала Эбби, смахивая с

глаз слезы. – Рада, что тебя там не было.

– Меня? В пыльном подвале с этими пещерными парнями из братства? Похоже на место, где я точно мог бы быть, но нет. Моему отцу исполнилось пятьдесят девять, и мы были на праздничном ужине.

– Точно, как все прошло? – спросила Эбби, и на ее лице отразилось удивление. Финч вытер у нее под глазом смазавшуюся тушь.

– Вот что скажу тебе, конфетка. Пора мне вернуться на занятия, да и тебе тоже, поэтому давай запасемся кофе, и я все расскажу тебе про дурацкий день рождения отца, а также мое новое увлечение – высокое, темноволосое и симпатичное, а ты посвятишь меня в свои новости... – Он осмотрел меня с ног до головы. – Что значит быть замужем за бешеным псом.

В глазах Финча горел огонек.

Я тряхнул головой и отвел Эбби в сторону.

– Стой, у тебя кто-то появился? Кто? – выкрикнула она.

– Позже, милая, все позже.

– Всегда рад повидаться с тобой, Финч, – сказал я, махнув ему рукой.

Я проводил Эбби до здания, где у нее начинались уроки, и поцеловал так, чтобы все понимали: это моя жена. Потом проводил ее взглядом: она поднялась по ступенькам и исчезла за стеклянными двойными дверьми.

Шепли похлопал меня по плечу:

– Они так быстро растут.

Я отмахнулся от него:

– Да пошел ты, придурок!

Шепли усмехнулся:

– Одна из сестер Сиг Капы спросила у Америки, верны ли слухи.

– Какие слухи? – нахмурился я.

Шепли посмотрел на меня как на идиота:

– Что ты больше не холостяк.

– Я перестал быть холостяком, когда встретил Эбби, – проворчал я.

Шепли сказал это так, будто наши одинокие сокурсницы искали подтверждения слухам, но, скорее всего, люди просто не могли поверить, что Эбби так рискнула и вышла за меня замуж.

Конечно, в студенческом городке у меня было достаточно девушек, но вряд ли кто-то из них расценивал меня кандидатом в мужья. Я бы ни за что не признался, но меня смущал тот факт, что все кругом считали меня недостойным моей жены, и хотя я не мог отрицать правды, это все же задевало.

Я прикурил, поправил рюкзак и пошел вперед, чувствуя, как прохладный воздух этого пасмурного утра просачивается сквозь кофту.

Шепли старался не отставать, иногда переходя на бег. Мы шли молча, пока не добрались до здания гуманитарных наук, где у нас обоих были занятия. Я взобрался по лестнице,

перепрыгивая через ступеньку, наконец вынудив Шепли застонать:

– Черт подери, Трэв. Мы горим?

Я повернулся к кузену, стиснув челюсть.

– Да что с тобой не так? – выдохнул я.

Шепли побледнел.

– Прости, приятель. Неправильно подобрал слова. Мы не опаздываем. Занятия начнутся только через пятнадцать минут. Куда ты так бежишь?

– У меня столько всего в голове, – сказал я, потянув за ручку двери.

В холле толпились студенты, которые обтекли нас со всех сторон, как и стеклянный куб на подиуме в центре. Внутри него хранился бюст Джеральда П. Стайми, бывшего президента Истерна и бывшего члена Сиг Тау.

Доктор Стайми руководил Сиг Тау вместе с моим отцом и дядей Джеком, и у меня сохранилось множество воспоминаний о том, как он заезжал к нам домой, пока я рос. Он был и на семейных торжествах, и на похоронах мамы.

Он умер четыре года спустя после выхода на пенсию, за шесть лет до моего первого курса в колледже. Был бы он разочарован тем, что я помог организовать самую огромную трагедию в Истерне, или тем, что не созная в участии?

Сейчас царила совсем другая атмосфера, чем обычно за неделю до весенних каникул, когда все улыбались и чуть ли не подпрыгивали от предвкушения. Теперь в коридорах по-

висла тишина, даже воздух стал густым и тяжелым. Девушки смахивали с глаз слезы, парни прижимали подруг к себе. Все вдруг поняли, что они тоже смертные, а некоторые задумались об этом впервые.

– Слишком много в голове, значит? – переспросил Шепли, заходя в здание следом за мной. – Например? Ты говоришь о том, чего я не знаю? Или сейчас вдруг понял, что женитьба – это навсегда?

Я схватил Шепли за воротник и прижал к стене. У кузена перехватило дыхание, он поднял руки, широко распахнув глаза.

– Эй! – воскликнул он, сердито глядя на меня. – Я же на твоей стороне!

Я медленно отпустил его, понимая, что на нас с любопытством смотрят прохожие. Поправил Шепли рубашку и похлопал его по плечу, извиняясь, а потом сделал глубокий вдох.

– Шепли, все это совсем не весело. И я держусь на волоске. Дай мне немного времени, хорошо?

Шепли огляделся по сторонам, потом подался вперед, заговорив тихим голосом:

– Ты прав. Прости меня. Просто хотел поднять тебе настроение. Трэвис, но тебе нужно сидеть и не высовываться. Сейчас не время привлекать к себе внимание.

Я оглянулся, посмотрев на однокурсников. Эти парни были так же молоды и глупы, как и я, но без жены, счетов или

детективов, которые стучали бы к ним в дверь. Самой их большой бедой были оценки и объяснения перед родителями, куда они потратили деньги с кредитки.

Всего несколько дней назад мы с Эбби переживали о том же. Свадьба помогла забыть, что пожар все-таки случился, но его последствия теперь были у меня перед носом. Казалось, что я в какой-то другой жизни приревновал Эбби к Паркеру. А я ведь мог лишиться ее навсегда... и по-настоящему.

– Ты прав, – сказал я и пригладил его рубашку, потом хлопнул по щеке, продемонстрировав улыбку. – Ты прав, друг. Прости меня.

– Давай в класс, болван, – сказал Шепли, поправляя рюкзак, после чего свернул за угол и поднялся по лестнице.

Я прошел до конца коридора и нырнул в класс, кивнул профессору по гуманитарным наукам и занял свое место.

Несколько студентов с прошлой лекции все еще стояли возле его стола, задавая вопросы по промежуточным экзаменам.

Я посмотрел на часы, потом достал телефон и улыбнулся, увидев засветившийся экран. Там красовалась Эбби с потрясающей улыбкой: жена смеялась над чем-то из нашей прошлой обыденной жизни. Но сердце мое подпрыгнуло, стоило увидеть сообщение:

«Приветик <3»

Я улыбнулся, печатая ответ.

«Я уже скучаю!»

Появились три точки, в которые я с предвкушением всматривался.

«И я».

Я усмехнулся. Эбби оставалась для меня загадкой. Я знал, что она меня любит. Черт, да она вышла за меня замуж. Но короткие ответы и нежелание становиться слишком эмоциональной, разве что выражать раздражение или злость, заставляли меня задуматься. И мне это в ней нравилось.

Нравилось, насколько она была упрямой, а еще какой красивой. Из-за нее я мог слететь с катушек, но и становился неуверенным в себе, боязливым. Нет, это не было похоже на здоровые отношения. Ну и плевать. Никто еще не вызывал во мне подобных чувств – по крайней мере, не намеренно.

Я написал «Эбби Мэддокс» в своем блокноте. С сердечками. Разве я не жалок?

На моем лице засияла улыбка. Наконец.

«Странное чувство?»

«Нет. Пора идти. <3 тебя».

Профессор Халси поднялся с кресла и обошел стол, присаживаясь на край деревянной столешницы. Он был таким долговязым: длинные руки, ноги, даже нос. Черные лоснящиеся волосы были кое-как уложены набок, чтобы скрыть залысину. Он растопырил ладони и свел их вместе домиком, поднося руки к губам.

– Уверен, все вы знаете, что на прошлой неделе школа

понесла огромную потерю.

Аудиторию заполнила неприятная тишина, студенты заерзали на стульях. Я съехал вниз по стулу.

– Я должен проинформировать вас о бесплатной психологической помощи на территории студгородка, которая полагается каждому студенту Истерн Стейт. Исходя из количества учащихся, уверен, что в этом классе у каждого кто-то да пострадал или выжил, или стал жертвой в подвалах Китона. Для всех это может стать пугающим опытом, с которым сложно совладать эмоционально, были ли вы близки с жертвами или нет. Поэтому прошу вас... не игнорируйте чувства, чтобы пережить горе. Мы рядом и готовы помочь.

Он замолчал, позволяя всем переварить услышанное, а потом перешел к уроку.

Пара девчонок всхлипнули, но в остальном мы продолжили обычное занятие, делали конспекты и задавали вопросы.

Когда он закончил урок, я помчался к двери, чтобы поскорее вырваться наружу, и перешел на бег, чтобы успеть к окончанию занятия Эбби. Она только вышла из дверей и остановилась, увидев меня. Я подхватил ее, она обняла меня за талию, ведя меня вниз по лестнице и заворачивая за угол здания.

– Что случилось? – сказала она тихим спокойным голосом.

Грудь моя вздымалась, пока я пытался выровнять дыхание. Я тряхнул головой, не в силах ответить.

– Трэвис, посмотри на меня, – сказала она, обхватывая мое лицо ладонями и поднимая голову так, чтобы наши взгляды встретились. – Рассказывай.

– Они все мертвы. Столько людей ходит мимо нас, они потеряли друзей, соседей по комнате... членов семьи. – Я указал на себя: – Это я сделал.

– Нет. Все не так. – Она обернулась, а потом снова посмотрела на меня. – Это не твоя вина. Той ночью каждый сам сделал свой выбор. Это был несчастный случай. Кошмарный, отвратительный несчастный случай. Но... – Эбби сильнее стиснула мою челюсть, заставляя смотреть ей в глаза. – Посмотри на меня. Тебе нужно это пережить, Мэддокс. Если люди увидят тебя в таком состоянии и расскажут копам...

– Может, так и надо поступить. Может, мне надо сдать-ся, – сказал я, не в силах вздохнуть полной грудью. Чем больше воздуха я набирал в легкие, тем хуже становилось.

– О чем ты таком говоришь? – спросила она, впервые пытаясь сохранить на лице свое фирменное бесстрастное выражение. – Лучше слушайся меня. – Она подцепила край моей футболки. – Я не позволю им тебя забрать, а ты так просто меня не оставишь, слышишь?

– Думаешь, я этого хочу? – выпалил я.

– Да, они погибли, это ужасно, но ты не обязан теперь бросать меня. С этого момента ты будешь ставить свою жену и брак выше всего остального. Ты выберешь нас, а не это чув-

ство вины, не свою чертову мораль, и даже не то, как правильно было бы поступить! Пусть я буду эгоистичной или плохой, я это принимаю. Пусть будет так, черт подери! Они не поймут, что ты не хотел причинить никому вреда. Не станут смотреть на то, что здание выбирал не ты и не зажигал те фонари. Трэвис, тебя просто арестуют. Арестуют, наденут на тебя наручники, заберут далеко от меня и...

Ее нижняя губа задрожала.

Я прижал ее, трясущуюся, к груди.

– Детка, – удивленно сказал я. Еще никогда не видел ее такой разбитой.

Она оттолкнула меня, все еще удерживая мою футболку в кулаке.

– Не совершай глупостей, Трэвис. Даже не смей!

Она сжала вторую руку в кулак и в отчаянии ударила меня в грудь.

Мне не было больно, но тем самым она хотела подчеркнуть свои слова.

В ее глазах стояли слезы.

– Ты единственная моя семья. Слышишь? Если я тебя потеряю, то потеряю все остальное.

– Но есть еще папа и мои братья, Шеп и Америка. Марк и Пэм. Финч. Голубка, ты не одна.

– Ты, Трэвис, – сказала она, указывая мне на грудь, – мне нужен только ты. Ты самый важный человек в моей жизни. – Она покачала головой и пожала плечами. – Не хочу жить

без тебя. Больше никогда ничего подобного не говори, слышишь? Ты не можешь пойти и сдаться. Не можешь так со мной поступить.

– Хорошо, – заморгал я и снова притянул ее к себе, покачивая и пытаясь успокоить. Поцеловал ее в висок, злясь на самого себя.

Я знал, что не могу бросить Эбби, даже ради того, чтобы поступить по совести. Просто хотел, чтобы она остановила меня. Тревожить ее тем, что я не собирался делать, было, конечно, подло.

– Ты права, я не... я не хочу, чтобы меня арестовали. Мне просто нужно было услышать от тебя эти слова.

– Вот и хорошо. Я буду повторять это столько, сколько нужно. По десять раз на день. Возьму вину на себя, буду шантажировать тебя угрызениями совести, умолять тебя, что угодно, но не бросай меня.

Я вздохнул и потер загривок.

– Господи, не могу поверить, что я только что поступил так с тобой. Прости, я запаниковал.

Она подняла голову, а по ее щеке скатилась слеза.

– Я понимаю. Это слишком тяжело. Не виню тебя за то, что случаются моменты слабости. Только пообещай, что будешь бороться за то, чтобы остаться со мной. Что никогда не перестанешь бороться за нас.

Я подавил волну эмоций и стиснул челюсти. Она любила меня так же сильно, как и я ее. Даже не знал, что такое воз-

можно.

– Хорошо, голубка. Хорошо... обещаю.

Она прижалась лбом к моей груди, тяжело вздохнула и кивнула. Собравшись с мыслями, она перевела взгляд на землю, будто решила довериться мне, принять, что я не разрушу ее жизнь. Эбби смахнула с глаз слезы, развернулась на пятках и ушла в направлении своего класса.

В воздухе все еще висел запах дыма. Эбби шла все дальше, скрываясь из виду, оставляя за собой лишь пепел от моей совести.

Глава 6

Правда

Трэвис

Я шел к квартире, шлепая по мокрым ступенькам. Между занятиями я то и дело попадал под дождь, небеса не щадили меня, и я был этому рад.

Земля вокруг Китон Холла все еще была влажной от переизбытка воды из пожарных шлангов. Дождь смешал все кругом в одно целое, студенческий городок с его обугленной, напитанной влагой травой и тротуарами Китона.

В руке позвякивала связка ключей, которую я достал заранее, чтобы отпереть дверь. Как только я прикоснулся к ручке, то услышал скрежет по другую сторону. Я улыбнулся и толкнул дверь, тут же нагнувшись, чтобы встретить Тотошку.

Моей щеки коснулась волнистая темная шерстка, и щенок стал покрывать меня своими «поцелуями». Он уже сильно подрос, но сейчас извивался, подпрыгивал и тявкал, как в свой первый день в квартире. Он никак не мог успокоиться, потому я поднял его на руки, прижимая к себе и позволяя облизать мне лицо. Приподнял подбородок, спасая рот.

Я вынес щенка на улицу, спустился по лестнице, ставя его на траву, потом скрестил руки на груди, ожидая, когда он

сделает свои собачьи дела.

Брэзил воспользовался запасными ключами, чтобы забрать Тотошку после того, как мы уехали в аэропорт, и, хотя он пошел на это без лишних вопросов, Эбби была не так уж рада, когда мы возвращали щенка.

Она искупала его сразу же, как мы вернулись домой, чтобы смыть запах сигарет и грязных носков. Потом вытерла его насухо, приготовившись к нежностям, а потом он свернулся калачиком на своей постельке в углу нашей спальни и проспал остаток ночи. Утром Эбби напомнила мне, чтобы я поговорил об этом с Брэзилом.

Я набрал сообщение на телефоне):

«Пряатель. Спасибо, что забрал моего щенка, но если ты не соби́рался за ним присматривать, так бы и сказал».

Брэзил довольно быстро ответил:

«Ты о чем?»

«От него воняло. Ты курил над ним, что ли? Даже я не курю. Он проспал дома сутки!»

«Прости, чувак. Вечеринка. На дворе потом драка. Пришлось разнимать. Когда вернулся, Дженкс уже выпустил его из моей комнаты и пытался напоить пивом. Я сказал Дженксу убираться, но Тото не пострадал, клянусь».

«Напомни мне в следующий раз не обращаться к тебе за помощью».

«Трэвис, это не повторится. Прости».

Я позвал Тотошку внутрь дома, его когти застучали по ли-

нолеуму на кухне, и я открыл консервы с его любимой едой. Поморщился из-за отвратительного запаха, удивляясь, как можно есть что-то столь мерзкое. Но от меня не ускользнула ирония: все-таки я говорил о Тото, который обожал лизать под хвостом.

Я вывалил еду в оранжевую керамическую миску, которую Эбби нашла в интернете с именем «Тото», и долил воды, после чего снова переключился на телефон. Прокрутил контакты, пока не попалось имя Брэндона Кайла. Мой палец замер над иконкой.

Кто-то из братства дал мне номер Брэндона. Он был владельцем «Айрон И», одного из трех спортивных залов за пределами студенческого городка в Икинсе. Два таких зала принадлежали Брэндону, и «Айрон И» был его гордостью и радостью: этот новый спортивный зал в восточном районе пользовался куда большей популярностью из-за большого наплыва студентов.

Каждый раз, когда я тягал там гантели, Брэндон предлагал мне различные бонусы. Билеты на концерт, поездки на матчи профессиональных команд. Даже приглашал в Дубай. Хотя этот парень проявлял дружелюбие, но был чересчур навязчивый, а еще при беременной жене он крутил романы не с одной девушкой – вряд ли я мог назвать его другом.

Я нажал на кнопку и прислонил телефон к уху. После нескольких гудков раздался щелчок, а следом скрежет, грохот и периодические выкрики, наверное, Брэндон, как и все-

гда, был в зале.

– Брэндон Кайл, – наконец ответил он. Напыщенный придурок.

Я не переваривал людей, которые вместо приветствия называли свое имя.

– Привет. Это Трэвис Мэддокс. Слышал, вы искали тренера на частичную занятость.

– Мэддокс! Ты так вовремя позвонил. Я тебе дюжину раз давал свой номер. Я только что был на концерте «Nickelback» с Тайем и Чаком. Они сказали, что ты рассматривал вакансию. Важно не то, что ты знаешь, а кого, верно? Чувак... мы будем очень рады принять тебя в нашу команду. Особенно Чак. Он за тобой наблюдал и говорит, что ты знаешь толк в деле. И я согласен. И, боже правый, ты приносишь девчонок. Приходи, возьми анкету, а я покажу, что у нас и где. Обсудим подробности, а потом решим, нужно ли нам это.

– Э... – Я не ожидал его ответа. – Когда ты хочешь, чтобы я зашел? Сегодня занятия закончились раньше, но мне еще нужно забрать жену и...

– Жену? – засмеялся Брэндон. – С каких это пор?

– С прошлых выходных.

– О! – приглушенно сказал он. Скорее всего, он прижимал ко рту кулак, как делал всегда, когда потешался над другими. – Ты что, ее обрюхатил?

– Что ты сейчас сказал? – спросил я, понимая, что у меня

закипает кровь. Я развернулся на пятках, осознав, что расхаживаю взад-вперед, стиснув руку в кулак.

– Ничего... Ничего. Да ладно тебе, чувак! Это та цыпочка Эбигейл, с которой я видел тебя в «Ред»?

– Эбби Мэддокс.

– Правда? – Он замолчал. – Я видел тебя с ней, но послушай, тебя же всегда окружают девчонки. Как-то на танцполе ты пускал по ней слюни. Она правда горячая штучка. Рад, что я не стал подкатывать к ней, как собирался. Не знал, что между вами все так серьезно. Но давай, заходи к нам! Увидимся!

Я размял шею, прежде чем ответить, стараясь успокоиться, а не ставить его жизнь под угрозу из-за того, что попросил у него работу.

– Итак, – выдохнул я. – В любое время?

– Неделя очень медленная. Все толстяки уже побросали свои новогодние резолюции. Я работаю до четверга. На выходных полно управленческих дел. Ты ведь знаешь, каково здесь наверху.

Я сквозь стиснутые зубы поблагодарил его и повесил трубку. Ни за что я не стал бы работать на этого мерзавца. Да я врежу ему в первый же день.

Тото доел свою порцию, и я одел его в зеленый клетчатый свитер, который для него купила Эбби. Щенок снова заскребся в дверь, просясь наружу. Пришлось попынтеть, чтобы застегнуть на нем ошейник, пока он пытался лизнуть мою

руку, а потом вывел его на улицу.

Мы прошли в дальний конец жилого комплекса и стали возвращаться обратно. На мой один шаг приходилось его три-четыре шажочка этими крохотными лапками, и когда мы дошли до нашего крыльца, он уже тяжело дышал.

Только я хотел зайти внутрь, как за моим «Харлеем» припарковался сверкающий «Порше». Окно опустилось, и я увидел самодовольную ухмылку Паркера.

– Мэддокс! Слышал, у тебя проблемы с местными властями. И не совсем местными.

– Лизни мои яйца, Хейс.

Лицо Паркера стало серьезным.

– Это правда... про вас с Эбби?

– Разве она не выбросила тебя на обочину ради меня? Дважды.

Паркер нахмурился.

– Правда или нет?

– Конечно, правда. Ты же не думал, что у тебя есть какая-то надежда?

Он немного помедлил, прежде чем заговорить, челюсть его напряглась. Он был избалованным, богатеньким выскочкой, который привык получать все, что захочет. И ему пришлось смириться с полным поражением.

– Ты не заслуживаешь ее, Мэддокс. Ты обязан это знать.

– Эбби так не считает, а меня волнует лишь ее мнение. Так что пошел ты, Паркер, никому не интересно, что ты ду-

маешь. Ты понадобился ей лишь для того, чтобы отвлечься. Ради выгоды. Она не собиралась встречаться с тобой. Твои попытки были жалкими.

– Я не так уж и старался. Иначе ты бы не женился.

Я опустил голову, сверкнув на него взглядом:

– Вылезай из своей миленькой машинки и скажи мне это в лицо.

Паркер сглотнул ком в горле и закрыл окно наполовину.

– Миленькой? Как насчет миленького щеночка? Какой свитерок!

– Этой собаке до тебя никакого дела.

– Она бросит тебя, Трэвис. Эбби поймет, что наделала, новизна утратится, и она уйдет, а я хочу увидеть, как эта высокомерная улыбка сползет с твоего лица.

Я шагнул вперед, мышцы напряглись, я приготовился к нападению, совсем как перед боем в Круге. Я знал, что стоило мне нанести один удар, и я не остановлюсь, но в тот момент я успокоился бы, только прибав Паркера.

– Вылезай из своей чертовой тачки. Сейчас же.

Паркер скрылся за тонированным стеклом и поехал прочь.

Я остался стоять, стиснув руки в кулаки, а все мое тело тряслось от злости. Тот уткнулся носом мне в ногу, и я посмотрел вниз. Адреналин мигом выветрился, когда я увидел его умоляющие глаза.

Щенку было холодно еще до того, как мы вышли, а теперь

он дрожал, совсем как я. Тотто фыркнул и взрыхлил землю, будто заявляя свои права на нее.

— Да, ты бы с радостью погрыз этого хилиака, — улыбнулся я. — Ты мой милый засранец.

Я подхватил щенка на руки и занес внутрь. Как только опустил его, он помчался в спальню, возможно, снова решил поспать в своей постельке.

Я взял бумажник, телефон и ключи и направился на улицу, вниз по лестнице, садясь за руль «Камри». Полной грудью вдохнул аромат новой машины, и меня охватило волнение. Костяшки на кулаках побелели, так сильно я сжал руль.

Последний на сегодня урок Эбби заканчивался только через час, а мне уже не терпелось рассказать про Брэндона и Паркера. Белый прямоугольник между сиденьями привлек мое внимание, и я дотянулся до конверта с письмом мамы моей будущей жене. Эбби. Я аккуратно положил его на сиденье пассажира, включил заднюю передачу и выехал на дорогу, направляясь к отцу.

Дорога в родительский дом была усеяна рытвинами, по обе стороны тянулись ветхие дома со сломанными автомобилями во дворах. Краска на фасаде облупилась, кое-где поломались ставни и доски на крыльце, но именно здесь я нанес свой первый удар и получил кулаком в челюсть.

Там, где все уже заросло травой, Томас держал меня в стороне, чтобы братья не отлупили меня, ведь я ни за что не хотел сдаваться. А Трентон был готов сровнять все с землей,

добравшись до меня, и даже Томаса.

Я улыбнулся, подъезжая к дому, под шинами зашуршал гравий.

Отец открыл дверь-ширму и, положив руки на упитанный живот, смотрел, как я подхожу к крыльцу.

– Что ж, – сказал папа с одобрительной улыбкой. – Не думал, что скоро увижу тебя здесь.

– Я живу всего в трех милях отсюда, – сказал я, поднимаясь по ступенькам на веранду из прогнивших от непогоды досок. Папа похлопал меня по плечу, и я обнял его.

– Мы с твоей матерью после свадьбы не выходили из дома три недели.

– Папа, – поморщился я.

Я прошел мимо него, направляясь в гостиную и садясь на диван. Папа усмехнулся, закрывая за нами дверь.

– Погода совсем пакостная, – проворчал он, выглянув в прямоугольное окошко рядом с входной дверью, потом покачал головой и поплелся к креслу-качалке. Сел на краешек, упершись локтями в колени.

– И что у нас тут? – спросил он, указав на белый конверт у меня в руках.

Я слегка приподнял его, удивляясь тому, как нервничал.

Папа не так много говорил о маме. Не то чтобы намеренно, просто я видел опустошенность в его взгляде – то же самое я бы испытывал, потеряв Эбби.

– Это письмо.

– Которое тебе оставила мама?

Я кивнул:

– Я отдал его Эбби перед свадьбой.

– Да, я надеялся, что ты не забудешь.

– Вот я и отдал.

– Хорошо, – сказал он, прокашлявшись. – Хорошо.

– Хочешь прочитать его?

Он покачал головой:

– Оно предназначалось не мне.

Я достал из конверта тонкий листок, взгляд пробежал по изящному почерку мамы.

– Знаю. Это будто снова услышать ее. Именно такой я ее запомнил.

Он озадаченно посмотрел на меня:

– Ты ее помнишь?

Я кивнул:

– Смутно, конечно, но да. Фрагментами.

Папа задумался, а потом кивнул, подзывая меня к себе:

– Хорошо, носи его сюда.

Я подпрыгнул с места, передал лист папе и вернулся на диван.

Отец заморгал, стараясь сосредоточить взгляд, а потом при виде маминых слов на бумаге у него задрожала нижняя губа. Он прикрыл рот ладонью, пряча эмоции, потом несколько раз моргнул, и его глаза засверкали. Папа улыбнулся и покачал головой. Опустил письмо и вытер рукой гла-

за. Спустя долгую минуту он прокашлялся и посмотрел на меня:

– Много времени прошло. Я был рад вновь услышать ее голос. Пусть и в моей голове. Спасибо, сын.

Я кивнул:

– И я тоже по ней скучаю. Постоянно.

Он снова усмехнулся, смахнув слезу.

– Я скучаю по ней каждую секунду каждого дня. Уже проклятые семнадцать лет. И то, как ты смотришь на Эбби... – он вздохнул, – так я смотрел на твою мать. О боже, как я любил эту женщину. Я никогда ничего не испытывал до или после.

Я свел брови на переносице.

– Ты думаешь, я могу потерять ее, пап?

– Эбби?

Я кивнул.

Папа прикоснулся ладонью к губам, а потом посмотрел на пол.

Я не мог вздохнуть или шевельнуться, ожидая его ответа.

Наконец он подался вперед и посмотрел мне в глаза:

– Трэвис, мне не хочется говорить тебе этого... но твоя жена... она сильнее тебя. Ты оставишь ее прежде, чем она тебя.

Его слова вышибли из моих легких воздух, я не мог спокойно смотреть на него, не мог сдержать эмоций, тогда я закрыл лицо ладонями, давая волю чувствам.

Папа никогда не ошибался, и я мог доверить ему свою жизнь.

Я снова посмотрел на него. Я любил свою жену и поэтому уберег его от правды. И из-за той любви, которую он испытывал к маме, я знал, что он поймет меня.

Глава 7

Первый вдох

Эбби

Рядом со входом в Рейджер Холл пробковая доска пестрела объявлениями, заголовки гласили: «Продается», «Ищу», «Нужна помощь», а внизу, на полосках бумаги, были номера телефонов. На самом верхнем объявлении красовался официальный герб школы и список предметов.

Я сощурилась, читая аккуратный шрифт, потом сорвала объявление и сунула номер телефона в карман. В школе требовались репетиторы, один из предметов – математический анализ.

Шел уже второй семестр, учебники и принадлежности тяготили мой рюкзак, а ляжки впивались в плечи. Я и не понимала, когда выбирала курсы перед зимними каникулами, что буду замужем и в поиске работы. Я подпрыгнула, придвигаясь к выходу и пытаюсь переместить лямки рюкзака подальше от шеи, чтобы дать ей передохнуть.

Прохладный весенний ветерок подул мне в лицо, как только я вышла на бетонные ступеньки крыльца. На тротуарах, чуть поодаль от нашего серого здания, собирались студенты в куртках любого стиля и расцветок. Я посмотрела на небо, и влажный воздух окутал мое лицо. Весь день шел

дождь, сначала накрапывал, потом усиливался. Утренний туман только-только начал рассеиваться.

– Привет! – выкрикнула Америка, подбежав ко мне. Она помахала мне рукой, среди этой серости ее яркая улыбка сверкала, словно солнце. Подруга подошла ко мне, прижав рюкзак к груди и тяжело дыша. – Девчонки из сестринства просто с ума сходят. Обожаю!

– О чем ты?

– О вас с Трэвисом, конечно же. Все только об этом и говорят. Мне пришлось сказать Алексис, что она завистливая тварь. В лицо. Это было феноменально.

Мои щеки вспыхнули.

– Отлично.

Я пошла по тротуару, Америка последовала за мной, излучая гордость.

– Половина девчонок вообще не поверили.

Я резко остановилась.

– Во что не поверили? Что мы поженились? Или что он женился на мне?

Она пожала плечами.

– И то, и другое. – Поняв, что я обиделась, она пошла на попятную. – Да ладно тебе. Посмотри на себя. Конечно, он хотел на тебе жениться. Но это же Трэвис, никто не думал, что он когда-либо женится. На ком угодно.

Я посмотрела на свою ничем не примечательную клетчатую рубашку и оливковый жилет, узкие джинсы и высокие

коричневые сапоги. Влажные волосы были собраны в высокий небрежный пучок. Я даже не могла вспомнить, нанесла ли макияж перед выходом из дома. Осмотревшись, я увидела на себе любопытные взгляды.

Кто-то присвистнул, и я обернулась, глядя на море студентов, которые расступались перед шедшим ко мне Трэвисом.

Он прошествовал до центра коридора, сунув руки в карманы джинсов, в серой трикотажной шапочке, черно-белой футболке «Ramones» под распахнутой фланелевой рубашкой в черную с красным клетку. Черные кожаные ботинки добавляли к образу парня, который словно говорил: «Не шути со мной, иначе прикончу».

Даже учитывая обручальное кольцо на его пальце, сокурсники все равно тарасились. Идеальная линия подбородка, ямочки на щеках, безупречная походка – Трэвис был прекрасен. Он излучал секс и обаяние, не прикладывая особых усилий.

Меня бы не удивило, если бы он шел в замедленной съемке, а откуда-то заиграла бы «My Turn» Свити.

– Посмотри только на него, – сказала я. – Вот поэтому люди не верят.

– У вас будут такие красивые детишки, я тебе зуб даю, – сказала Америка. – И ты только погляди, вы такие милашки. Женаты и оба в одинаковой клетчатой одежде.

– Разного цвета, – нахмурилась я.

Трэвис слегка улыбнулся, правая бровь чуть поползла

вверх, и я сглотнула ком в горле, ощутив, как внутри все перевернулось.

Он остановился в нескольких шагах, глядя на меня с тем же выражением, как и в Вегасе, когда священник объявил нас мужем и женой. Трэвису даже не нужно было признаваться мне в любви, это было видно по его взгляду, по каждому движению, по его словам, даже когда говорил он не обо мне.

Муж чуть усмехнулся, заметив выражение на моем лице.

– О чем же ты задумалась?

Я тряхнула головой, потом обхватила его за шею.

– Все хорошо, – тихо сказала я, прижимаясь щекой к его щеке. Щекотание его щетины, аромат его одеколона – все это было таким родным.

– Я просто... – Отстранившись, я пожала плечами. – Люблю тебя.

Он несколько мгновений просто смотрел на меня, потом на его лице расцвела улыбка.

– Мне большего и не надо.

Он снял с моих плеч рюкзак, перебросил через свое, взял меня за руку и повел на стоянку.

Если кто и не тарасился на нас, то только притворялся, пока мы не скрылись из виду.

Спину мне прожигали любопытные взгляды. Слышал ли Трэвис эти перешептывания о пожаре, свадьбе и том факте, что мы шли вместе после огромного скандала, который

мог волновать только такой крохотный студенческий городок, как Истерн?

– Мер, ты будешь со мной разговаривать? – спросил Трэвис, толкнув ее легонько локтем.

– Возможно, когда я перестану ненавидеть тебя.

– Ведь ты не ненавидишь меня, – с улыбкой сказал он.

Она нахмурилась.

– Когда ты забираешь ее рюкзак, даже не спросив, здесь стоит призадуматься. Но не могу отрицать, что ты ведешь себя достойно.

– И это не изменится.

– Лучше, чтобы так и было, – сказала она, обнимая меня на прощание.

Трэвис повел меня по газону, держа за руку, проминая ботинками сырую землю. Я прыгала через лужи и ямы, пока мой муж наконец не подхватил меня на руки, чему я безумно порадовалась.

Я сцепила ладони в замок на его шее, улыбаясь только от того, что улыбка не сходила и с лица Трэвиса.

– Чему ты так радуешься? – спросила я.

– Тебе.

– Нет. Чему-то еще. Чем ты сегодня занимался? Какие-то хорошие новости?

– Вроде того. К нам сегодня заезжал Паркер, узнать, правдивы ли слухи.

– Паркер? – спросила я, поморщившись.

Трэвис засмеялся:

– Я надеялся на такую реакцию. Он не был слишком рад, когда я подтвердил слухи.

– Да какая кому разница!

Улыбка Трэвиса стала шире.

– Он сказал, что, когда исчезнет чувство новизны, ты меня бросишь. Но тот взгляд, с которым ты встретила меня несколько минут назад? Убивает его теорию на корню.

Он опустил меня на асфальт рядом с машиной и порылся в кармане в поиске ключей.

– Америка сегодня слышала то же самое. Что никто не поверил, будто ты женился на мне.

Он выглядел ошарашенным.

– Я не стану называть Америку лгуньей, но вряд ли кто-то так подумает. Никто не верит, что я заслуживаю тебя, голубка. И они правы.

– Так думают девчонки из сестринства.

– Эти девчонки выбрали Лекси своим президентом, а она даже не может пересдать математику.

Я расхохоталась, но потом вновь стала серьезной.

– Откуда ты это знаешь?

– Они обсуждали в классе. Вот, возьми, – сказал он, передавая мне ключи.

– И что мне с этим делать?

– Твоя очередь сесть за руль.

– Моя? Нет, – сказала я, покачав головой.

– Голубка, – фыркнул Трэвис, – рано или поздно придется учиться.

– Я умею водить. Просто не люблю.

– Но что, если я буду на работе, а тебе нужно куда-то съездить?

Он открыл дверцу водителя и пригласил меня внутрь. Я захлопнула ее.

– Тогда и поеду. Но ты ведь не на работе, а... Эй, ты что, нашел работу?

– Пока нет. Позвонил одному парню. Но вряд ли что-то получится.

Туман перерос в морозящий дождь, который с каждой секундой усиливался.

– Почему? – спросила я.

Трэвис снова открыл дверцу.

– Садись в машину, голубка. Сейчас хлынет ливень.

Я изогнула брови, и муж вздохнул.

– Ищут тренера в «Айрон И».

– А ты разве там не тренируешься? Тебе же там нравится.

– Детка, забирайся в чертову машину. Ты промокнешь.

Я собралась уже обойти машину, как он остановил меня за руку.

– Трэв, я не поведу в дождь. Брось. Я сяду за руль завтра.

Он нахмурился.

– Хорошо.

Он сел за руль и снял машину с передачи, а потом открыл

мою дверцу, пока я оббежала капот и плюхнулась в кресло пассажира.

Попыталась включить радиатор, но Трэвис обхватил мои ладони своими и подышал на них, растирая. Выбившаяся прядь мокрых волос карамельного цвета легла мне на лоб.

Трэвис был чем-то недоволен, между его бровей пролегли две морщинки.

– Что не так с «Айрон И»? – спросила я.

– Мне нравится спортивный зал, но не его владелец.

– Это тот парень, Чак, которого мы встретили в «Пицца Шэк»?

– Нет, Чак за все там отвечает. А владелец – это Брэндон Кайл, и вот он еще тот отморозок.

– Как же так?

– Его жена ждет ребенка... вот-вот родит. А он трахает секретаршу на ресепшене, двух тренеров, клиенток.

– И?

– И? Да он просто отброс, голубка. Не хочу на него работать. Он постоянно этим хвастается. Разговаривает так, будто хочет заманить на меня побольше клиентов. В первый же мой рабочий час он получит в челюсть.

Я нахмурилась. Мне не понравилась идея владельца поощрять женщин, чтобы они соблазняли моего мужа, но в то же время я доверяла Трэвису.

– А есть у тебя другие варианты? Нам нужно платить за аренду, милый.

Трэвис вздохнул и посмотрел в окно, по которому стекали дождевые капли.

– Нет. И, с его слов, мне всего лишь нужно прийти и приступить к работе.

– Тогда чего же ты ждешь? – удивленно засмеялась я.

Трэвис сурово посмотрел на меня:

– Голубка, я только что сказал тебе. Он не из тех, с кем бы я хотел общаться.

Я пожала плечами.

– Ты не будешь общаться с ним постоянно. Только пока не найдешь что-то другое.

– Девчонок много. Толпы из колледжа. Заскучавшие домохозяйки. И...

– Я тебе доверяю. А ты себе нет?

– Не в этом дело, просто не хочу с этим связываться. Брэндон сам так сказал... Хочет привлечь на меня клиентов. Но он ведь мне не сутенер. Женщины в его зале привыкли к тому, как он ведет дела.

Я громко засмеялась.

– Не смешно, – проворчал Трэвис. – Лучше я буду размахивать кулаками, чем иметь дело с охотницами на парней, решившими позаниматься.

– Дело в чем-то другом, и ты об этом не говоришь.

– Он сказал кое-что о тебе по телефону. Сказал, что видел тебя в «Ред» вместе со мной и подумывал подкатить к тебе. Не думал, что между нами что-то серьезное.

– Но мы-то знаем, чем бы это закончилось.

– Самое безумное... сама мысль о том, что ты с кем-то другим, вызывает во мне желание все крушить, но хуже всего то, как с тобой будут обращаться. Если бы ты встретила его, когда мы с тобой расстались, или будь он на месте Паркера, когда вы с ним беседовали... – Трэвис вздохнул. – Я бы убил его, если бы он тебя обидел.

Я прикоснулась к его лицу.

– Из-за этого ты на взводе?

– Знаю, что это глупо, – сказал он, нахмурившись. – Но так работает мой мозг.

– Что ж, я никогда с ним не разговаривала, и, даже будь он на месте Паркера, мы бы все равно сидели сейчас здесь, в этой машине, с обручальными кольцами. Соглашайся на эту работу, милый. Это легкие деньги. – Я порылась в кармане и достала промокший белый прямоугольник. – Похоже, я тоже что-то нашла. Тут ищут репетитора по математическому анализу.

Трэвиса это не впечатлило.

– Если бы я дрался за Бенни, то мы...

– Не были бы вместе.

Трэвис удрученно опустил голову.

– Я хотел дать тебе больше, голубка.

– Больше, чем что? Не нужно преуменьшать то, что у нас есть! Крошечная квартира, куча рекламных купонов, выживание на рамене до зарплаты? Вести вместе наш бюджет, об-

суждая его еженедельно, выбирать свитер в магазине, а потом повесить его обратно, ведь приятнее держать друг друга за руки с колечками на пальцах, чем нести пакеты, набитые вещами. Я хочу дрожать от предвкушения, когда мы раз в два месяца идем в кино, потому что это что-то особенное, а не ожидаемое. Хочу строить с тобой нашу собственную крепость по кирпичику, только ты и я. И пусть не будет просто.

На его лице вновь появилась улыбка, и он прижал мою ладонь к своей щеке.

– Да?

– Совершенно точно!

Обдумав мои слова, он кивнул и немного расслабился.

– Говоря о тратах... сегодня вечер дешевого пива в «Ред». Если мы скоро будем работать каждый вечер, не будем упускать такую возможность.

– Я в деле. – Широко улыбнувшись, я набрала сообщение Шепли и Америке и тут же получила ответ. Обрадовавшись, я пожала плечами. – Шеп и Мер встретят нас в половине девятого.

Трэвис выехал со стоянки, направляясь на улицу, включил радио и пропел мне серенады до самого дома.

Я выглянула в окно и вздохнула. У нас все будет хорошо. Я чувствовала это.

Глава 8

Новое нормально

Эбби

Переступить порог нашего любимого бара было равносильно путешествию на машине времени. Цокая каблуками по липкому полу клуба и крепко держа за руку Трэвиса, я шла за ним сквозь толпу и думала, что перенеслась в прошлое, еще до расследования, свадьбы, пожара.

Полураздетые студентки в топах металлик и супермини-юбках теребили волосы, заигрывая с глупыми парнишками, которые могли купить им выпивки.

В «Ред» все добровольно выставляли себя напоказ, чтобы привлечь спутника на вечер, а парочки могли заявить о своих отношениях или воссоединении.

Редко кто приходил просто потанцевать, выпить, поиграть в биллиард, люди нуждались в других людях, а «Ред» был достаточно многолюдный и громкий, чтобы показать себя и посмотреть на других без лишних предрассудков. Колонки вибрировали от музыки, пульсируя, как кровь в венах. Я прижала свободную ладонь к груди, чтобы успокоить ритм собственного сердца.

Люди шевелили губами, но из-за музыки слов было не слышно, все говорили на одном языке, пели одну и ту же пес-

ню. Здесь чувствовалась сопричастность, возможность позабыть о проблемах колледжа.

Когда мы приблизились к бару, Трэвис помахал рукой Рейган, и она отогнала от себя парней, которые занимали табуреты напротив. Девушка широко улыбнулась, когда мы присели, и протерла перед нами деревянную столешницу барной стойки.

– Мне все было интересно, придете вы еще сюда.

– А почему нет? – спросила я, глядя, как она ставит два пива перед нами с Трэвисом.

Рейган скрестила руки на груди.

– Ну не знаю. Вы же теперь женаты. Подумала, что это волшебным образом все изменит.

– Мы до сих пор любим выпивать и встречаться с друзьями, – сказал Трэвис и стукнул свою бутылку о мою. Он поцеловал меня в уголок губ, сделал глоток и осмотрелся. – А где Трент и Кэми?

– Камилла теперь работает полный день в «Скин Дип», – сказала Рейган, отходя к другим клиентам.

– С Трентом? Должно быть, интересно, – усмехнулась я.

– Ох, у этой парочки всегда все интересно.

– Не может быть, – весело отозвался Трэвис.

Я наблюдала, как Рейган и Джори обслуживают очередь, по два-три заказа зараз. Смешивают напитки с невероятной точностью и скоростью, принимают оплату, быстро печатают на кассовом аппарате, и все по новому кругу.

Со стороны Рейган было полно посетителей – они стояли в три ряда. Если бы мы благодаря Камилле не знали барменов, а Трэвис не был бы самим собой, то прождали бы мы в ожидании места всю ночь. Все столики заняли, как и билльярдные столы, и танцпол.

Я уже давно не видела, чтобы здесь было столько народа, возможно, из-за пожара люди захотели больше времени проводить в кругу друзей, наслаждаться жизнью, веселиться.

На мои плечи легли холодные ладони, я повернулась и попала в объятия Америки. В ее ушах болтались гигантские серьги, волосы были забраны наверх в небрежный пучок. Кофта сползла, обнажив плечо. А на лице застыло дежурное выражение: «непринужденно гламурная».

– Привет, стервочка, – произнес голос у меня за спиной.

Я круто развернулась.

– Финч! Ты пришел!

Он пожал плечами так, что воротник его белой рубашки коснулся ушей.

– Не собирался идти, но мне совсем не хотелось сидеть и ждать, когда ты прийдешь мне письмоцо из Свадебных Краев. Почтовый сервис у вас так себе.

Я закрыла глаза ладонью.

– Ну, я собиралась, просто... Хорошо, я ужасный друг. – Я положила руки ему на предплечья. – Давай пообедаем на неделе, и я тебе все расскажу.

– Нет необходимости, Америка уже рассказала.

Подруга заулыбалась, и я поморщила нос.

– Тогда просто обед?

– Да, черт подери. И ты платишь.

Он оглянулся, окидывая взглядом толпу.

К нам подошла Джори.

– Хотите столик, ребята? – улыбнулась она. – Могу попросить Рейган освободить для вас. – Она подмигнула. – Ей нравится быть стервой.

– Нет, нам и так хорошо, – сказал Шепли, обменявшись с Трэвисом быстрым рукопожатием и поцеловав меня в висок. – У тебя все в порядке?

Я кивнула.

Америка и Финч не стали тратить время даром и потащили меня на танцпол.

Я несколько раз встречалась взглядами с мужем, наблюдала за ним, а он за мной. Четыре девушки целенаправленно игнорировали кольцо на его пальце, бесстыже с ним флиртуя.

К сожалению, ничего не поменялось.

Однако Трэвис был не таким терпеливым, как раньше, и отогнал поклонниц парой крепких слов, жаль только, что я не расслышала каких. Девушки из сестринства фыркнули и ушли прочь.

Когда я вернулась к стулу, Трэвис провел пальцем по моей руке, собирая пот с моей кожи. Нагнулся и поцеловал в плечо, цокая языком с каждым поцелуем. Я встала и прижа-

лась к мужу.

– Мы тут не задержимся, если ты будешь продолжать в том же духе.

Трэвис посмотрел на меня с озорной улыбкой:

– Обещаешь?

Я поцеловала его в щеку, а он повел ладонью по моей спине, все ниже и ниже.

– На нас опять смотрят, – сказала я.

– Это так забавно, игры, в которые играют люди, эти суждения, флирт, постоянные качели, безобидное манипулирование... Все, чем мы занимались до свадьбы.

Я улыбнулась и снова поцеловала его.

– Ради всего святого, вы двое, выйдете из зала, – подшутил Финч.

Трэвис похлопал меня по попке и поднялся.

– Я в уборную. Тебе что-нибудь надо?

– Из сортира? – спросила я, изогнув бровь. – Нет.

Трэвис усмехнулся и поставил на барную стойку пустую бутылку.

– Закажешь мне еще?

– Конечно, – сказала я, прижимаясь губами к его рту.

Шепли передал Америке пиво, но она покачала головой.

– Не знаю, кто решил, что девчонки ходят в туалет по парочкам. Парни ничуть не лучше.

– Я просто должен убедиться, что он не ввяжется в драку, – пожал плечами Шепли.

– Ему не нужна нянька, – сказала Америка.

Шепли скривился, будто рассчитывал, что Америка поймет его без слов.

– На самом деле нужна. Парень, за которым он только что пошел, вел себя так, будто собирался шлепнуть Эбби по задку на танцполе. Вы этого не видели, но не Трэвис, к сожалению.

– Тогда что же ты ждешь, Шеп? Иди! – сказала я, театрально подталкивая его в сторону уборной.

Шепли последовал за Трэвисом, исчезая в толпе.

Финч скрестил руки на груди, глядя вслед Шепли.

– Кого бы ни преследовал Трэвис, они не из Истерн Стейт. Мало кто осмеливался флиртовать с тобой, зная, что в тебя влюблен Трэвис Мэддокс. А теперь, когда ты стала его женой, вряд ли остались такие глупцы.

– Он ничего не сделает. Обещал мне, что с этим покончено.

– Ох, милая, – сощурился Финч. – Конечно же, он изо всех сил будет стараться сдержать слово. В этом я не сомневаюсь. Но когда он ошибется, просто помни, что он тоже человек, хорошо?

Я кивнула, глядя в направлении уборной.

Ко мне повернулась Америка:

– Когда он сказал, что завязал с боями, он имел в виду Круг, Эбби. И с этим точно покончено! Ну что, – проговорила она, потрепав свой пучок, – здесь все изменилось для тебя или нет?

– Почему все меня об этом спрашивают? Я вышла замуж, а не сделала лоботомию.

Америка громко засмеялась и отпила коктейль, а потом заморгала, когда заметила двух приближающих к нам парней из колледжа.

– Вот черт.

– Что такое? – спросила я.

– Парней нет каких-то пять проклятых секунд, а нам уже приходится кого-то отшивать, – пожаловалась она.

– Они идут не сюда.

Америка уставилась на меня – ее мои слова не убедили, потом повернулась и взглянула на парней с тем же невозмутимым выражением лица.

– Вы обе совсем поглупели. Им нужен я. Привет, парни, – сказал Финч одному из них, кто дошел до нас первым.

– Привет, – сказал тот.

У него были густые, аккуратно причесанные волосы, почти как у Паркера. Долговязый, выше меня, но с телосложением гольфиста.

Если он видел меня с Трэвисом, то сразу бы понял, что он не мой типаж.

Но заговорил тот, что был ниже:

– Вы сегодня очень...

– На самом деле нет. Мы не хотим пить, танцевать и уж точно мы не одни, – перебила его Америка. – У меня есть парень, а она замужем. – Подруга указала на меня.

«Гольфист» ухмыльнулся, посмотрев на своего более высокого друга, потом снова на нас. Замечательно. Он, похоже, из тех, кто воспринимает женщин как вызов.

– Привет, замужняя, я Рики.

Финч ощерился, глядя на парня:

– Умора! Ты тоже восемьдесят четвертого года? Кто называет своих сыновей Рики?

– Финч! – шикнула я.

Рики остался невозмутим.

– А это Джастин. Приятно познакомиться.

Джастин был выше, у него были русые волосы – чуть светлее, но он не сильно отличался от Рики. Он заметно нервничал. Что-то в этих парнях настораживало...

– Мы не называли наших имен, так что можно считать, что мы так и не познакомились, – сказала я.

– Простите, – сказал Джастин. – Мы вас чем-то обидели? Я стыдливо опустила голову.

– Нет, извини. Мы просто пытаемся вас отшить. Наши парни... точнее, мой муж и ее парень, тоже тут, они вернутся через минуту.

– И что? – сказал Рики.

Его смелость была очень напускной. Кругом словно развесили красные флажки, и совсем не те, которые подошли бы Трэвису.

– Моему мужу не нравится, когда я разговариваю с незнакомцами, – раздраженно вздохнула я.

– Он ревнует? – сказал Джастин. – Это устарело.

– Вроде нет, – ответила я. – Спасибо, что поздоровались, но вам пора.

– Мне и тут хорошо, – ухмыльнулся Рики.

Я закатила глаза. Америка была права. Как только Трэвис вернется, стычки не избежать, и наш веселый вечер на этом закончится. Оба парня не были достаточно умны, чтобы отойти в сторону, даже скажи им это Трэвис.

Рики положил руку в карман и осмотрелся, отпивая «Зельцер».

Я довольно быстро поняла, что он не пытался заигрывать с нами или даже разговаривать. Он словно бы ждал возвращения Трэвиса и Шепли.

Я внимательно посмотрела на парня, подозрение зрело с каждой секундой.

– Ты коп? – спросила я.

Оба парня удивленно повернулись ко мне.

– Что? – сказал Рики.

– Ты коп? Ведь если это так, по закону ты обязан сообщить мне об этом, – сказала я.

Америка растерянно посмотрела на меня. Джастин усмехнулся:

– Нет. Не коп.

– А ты? – спросила я, опустив голову и сверкнув взглядом на Рики.

Рики осмотрел меня с головы до ног. Я его совершенно

не интересовала. Он оценивал меня, стараясь понять, как девятнадцатилетняя девушка способна его раскусить. Он точно пришел за Трэвисом.

Парень ничего не ответил, и я подступила к нему на шаг.

– Убирайтесь отсюда. Если вы хотите поговорить с ним, то придется его арестовать.

Рики выпрямил спину, но все же отступил на шаг.

– Это можно устроить. Ему даже двадцати нет, а он употребляет алкоголь в баре. Могу поспорить, что у вас липовые документы.

Я сощурилась и подалась вперед.

– Тогда чего вы ждете?

– Что происходит? – встревоженно вмешалась Америка.

Джастин нервно осмотрелся. Он не был копом, а если и был, то, скорее всего, новичком, может, осведомителем, довольно молод, чтобы попытаться одурачить нас.

Крепкая рука легла мне на плечи, и Трэвис поцеловал меня в висок.

– Привет, детка. – Он сверкнул взглядом на парней. Что и следовало ожидать. – А это кто?

– Кто? – спросила Америка, отшучиваясь.

Но Трэвис не собирался веселиться. Он указал на Джастина и Рики – если их так правда звали:

– Эти клоуны.

Рики коротко усмехнулся, стараясь вернуться к своей роли, но явно переигрывая:

– Клоуны? Нам не ваши шлюхи нужны. Успокойтесь.

– Да ты еще тот кретин! – сказал Шепли, снимая куртку.

Не успела я крикнуть, как Трэвис рванул вперед на Рики и повалил его на пол.

Как и всегда, подключился весь бар. Пьяные придурки, которые нарывались на драку, ее нашли.

Финч, широко улыбаясь, оттащил меня от летающих кулаков. Пока я пыталась найти мужа, все никак не могла отделаться от мысли, зачем этим парням провоцировать его на драку. Рики уже и так признал, что они могут арестовать Трэвиса за алкоголь.

Драка все больше разгоралась, и нас с Америкой притиснули к бару. Рейган помогла нам перебраться по другую сторону барной стойки, пока нас не смели.

– Шеп! – выкрикнула Америка, когда я толкнула ее пройти дальше, а Рейган потянула на себя. – Шепли!

Как только Америка оказалась в безопасности рядом с Рейган, я тоже перепрыгнула на их сторону.

Трэвиса нигде не было видно, и чем дольше он оставался вне поля моей видимости, тем больше я беспокоилась. Я до сих пор не поняла, чего хотели те парни. Они могли быть копами, агентами ФБР, а может, еще хуже – их послали из Вегаса. Бенни все еще злился, что Трэвис отклонил его предложение, никто не мог так просто уйти от главаря мафии.

Я снова выкрикнула имя мужа. В толпе показались вышибалы, растаскивавшие многочисленных посетителей, ко-

торые будто бы озверели – включая Трэвиса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.